

Наталья Кожевникова

Посреди реки и света

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
«Голос-Пресс»
2014

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
К 58

Художник В.В. Кожевникова

Стихи оренбургской поэтессы Натальи Кожевниковой, иногда отчаянные от грозовой близости Божьих испытаний, иногда тихие, почти молитвенные, всегда прозрачны – от искренности, от решимости доверить всё и самой довериться до конца Слову. В этой высокой доверчивости и есть основа основ русской поэзии...

Пётр Краснов

Кожевникова Н.Ю.

К 58 Среди реки и света. Сборник стихотворений —
М.: Голос-Пресс, 2014. —

ISBN 978-5-7117-0711-0

ББК 84(2Рос-Рус)6

© Кожевникова Н.Ю., 2014
© Оформление. Издательство
«Голос-Пресс», 2014

ТЕРНОВНИК

*(Высокое одиночество в поэзии
Натальи Кожевниковой)*

*Блаженны чистые сердцем;
ибо они Бога узрят.*

Мф. 5,8

*...И стало песком и водой перекатной,
Незыблемым лесом, зарёю закатной...*

Наталья Кожевникова

1.

Последние десятилетия определённо склоняют поэта к публицистике – жажда прямого слова в обществе сегодня невероятно велика. Создано огромное множество стихотворений, в которых мы находим горечь от несправедливости, от попранного достоинства, от безжалостного уклада нынешней жизни. Однако этот поэтический вопль, обращённый к земле и небесам, сохраняясь в анналах, не задерживается в пространстве драгоценной художественности. Отзвучав однажды, он остаётся где-то на дальних подступах к подлинно идеальной литературной сфере. И оказывается, что художник сокровенный, облада-

ющий даром объединения глубин собственного существа с сердцевиной народной жизни, значительно ближе к душе всякого своего собрата и сестры по суровому русскому житию, нежели глашатай изначально публичный, громко обращающийся к согражданам с литературных подмостков.

В 1950-х Леонид Мартынов заметил: «Удивительно мощное эхо. Очевидно, такая эпоха!» Теперь – иное время, отмеченное нравственной изворотливостью, креативной болтливостью, короткой памятью и вероломством государственных структур. «Белый шум», сквозь который вынуждено пробиваться всякое талантливое художественное слово, гасит, практически, любое «эхо». И уже потому сильный и искренний поэт стремится создать собственное новое творение таким, чтобы оно выдержало не только стремительный бег времени, но и не угасло в вязком воздухе, демонически предназначенном для того, чтобы звонкий голос певца был слышен недолго и не далеко. И здесь – не отзвук давнего спора «тихой лирики» и стихотворной «эстрады», который уже далеко в прошлом. Речь идёт о бытии и земном существовании, о любви и смысле жизни, о силе почвы и одиночества души человеческой. Иное – городское, политическое, общественное – обладает в этом художественном строе своими ячейками, смысловыми молекулами, но не более того. Потому что теперь перед русской литературой неотвратимо возник вопрос о Божьей задаче и житейском смысле: зачем всё это?! Без внутреннего сосредоточения,

без чувства одинокого стоицизма тут ничего не решить, да и конечный ответ вряд ли возможен. Важен сам процесс преодоления тягчайшего жизненного материала, ясное размышление и сердечное мужество. В этом контексте поэзия Натальи Кожевниковой достойна пристального взгляда, сочувствия и интеллектуального отклика.

2.

Есть некие общие грани поэтического мира Кожевниковой, о которых необходимо сказать в самом начале.

Эти стихи написаны очень зорким человеком. Предметы в них обладают удивительно точными деталями и узнаются каким-то особенным образом. Такая художественная «дактилоскопия» присуща только большим мастерам и дарованиям, изначально наделённым живописно-цепким глазом.

Символ, бытийная примета в её поэзии вырастают из сочленения обыденных черт на редкость естественно и уверенно. Тут скрыта очень важная особенность психологической конституции автора.

Вместе с тем перед нами – православный человек, всё мировосприятие которого окрашено именно этой его духовной принадлежностью. Заметим, в строках Кожевниковой нет пересказа Писания – у неё реальность проявляет свои таинственные свойства, и в них угадывается присутствие Вышних сил. Всё церковное даётся здесь очень осторожно, лаконично – так,

что картина мира не перекраивается под пером автора, но наполняется новым смыслом, уточняется, проявляет свою глубину и широту.

*Есть особая праздничность русских небес,
Где незримо цветут виноградные лозы.
Но опять и опять – как по коже надрез –
Отрепёдность лица её, взгляда и позы.*

*Что в любви и тоске обнимает дитя
И не знает о муке его предстоящей...
Как смириться, смолчать и, покой обрета,
На колени упасть безответной молящей?
В безграничном, родимом на свете краю,
Где под дождиком ходят берёзы босые,
Не умея молиться, я тихо стою
В недостроенном храме, в изножье России.*

Кожевникова легко и очень органично соединяет детали разного масштаба и разной принадлежности в одной-двух строках. Однако насколько это отличается от давней «бабелевской» стилевой манеры сводить в пределах напористой фразы «звёзды и сифилис»! Там – только приём, который скользит по внешней поверхности происходящего. Тогда как в нашем случае – поразительное расширение пространства и его содержания душевным усилием лирической героини:

*Мне не страшно идти до конца,
до креста.
Слышишь? Колокол будничный
звякнул во мраке,*

*Засветилось звездою окно у моста,
И заплакал ребёнок
в больничном бараке...*

Жизнь помещается в эти стихи как бы по взаимному согласию художника и реальности: окружающий мир и судьба словно проходят сквозь игольное ушко поэзии и размещаются в её пределах важнейшими своими именами и предметами. Прожитые годы и потери, несбывшиеся надежды и счастье любви, голос почвы и сквозящий ветрами русский простор, радость и скорбь – здесь всему есть место, и всё может рассказать о себе...

В поэзии Натальи Кожевниковой путь, пройденный душой внутри себя, во много раз протяжённей срока, отражённого в реальных цифрах. Поэтесса обладает своего рода оком, которое видит и выделяет внешние признаки глубинного течения событий. Такой визионерский дар в творчестве исключительно редок, и его обладатель, как правило, – человек печальный: «И белая рыба плывёт под веслом, // Любить разучившись и выжить отчаясь...»; «Придёт лохматая собака <...> Сродни печали человечей // Печаль звериная сильна».

Порой образы Кожевниковой кажутся похожими на иные, уже где-то слышанные прежде, литературно знакомые. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в эти отголоски автором привнесены глаголы – как главный акцент, и таким образом они «вживлены» в действующую картину мира:

– «зима уходит за пригорки, – пусть там в каком-нибудь логу снегов дожёвывает корки»;

– «уйти в поля, где солнце тихо тянет из темноты зелёные ростки»;

– «и жарко каждому растению в зелёной тесноте родства»;

– «смиренной косынкою волосы смяв, целую оклад в полусумраке зыбком».

У поэтессы в привычном следовании слов и при- мет всегда есть неповторимый отблеск смысла, необычный излом графики, неожиданное движение чувства. Здесь – художественный отпечаток личности, для которой окружающее как будто предстаёт специальным образом, наособицу, словно прилаживаясь к авторскому глазу, чтобы он смог увидеть и опознать сокровенное.

Кожевникова очень тонко воспринимает пространство. Почти всегда в её поэзии оно разряжено: предметы и фигуры подсознательно удалены друг от друга, хотя в поздних стихотворениях «населённость» рисуемой картины порой весьма велика. Так неявно в стихотворении возникает одиночество – не дотянуться рукой, не докричаться голосом.

В подобной организации художественного космоса содержится и образ простора, который должен быть обжитым. Однако он столь велик, что вмещает в себя невероятное число вещей, и между ними остаётся чрезвычайно большой зазор. Метафизика взаимной удалённости порождает печаль, свободу, ощущение вечности... И несмотря на жестокий итог

реальных событий – затаённое желание прожить их вновь и поверить в иное течение происходящего.

*...В открытый ветрами оконный проём
Осенний простуженный воздух струится.*

*И слышу, и знаю – летят воробьи
В рябинник, где бледное солнце гуляет,
Где тихо и мирно по нашей любви
Прехитрая осень поминки справляет.*

*Одна-одинока на этом пиру –
Не каюсь, не плачу, а с верой внимаю
Гусиному крику на синем ветру,
Сумятице листьев, далёкому маю...*

3.

У Кожевниковой очень легко, совершенно непротиворечиво соединяются в стихах православная символика, духовно-приподнятое чувство происходящего в природе и вокруг лирической героини с движением природного времени, с переходом от зимы к весне, от лета – к осени. Ключ к этому органичному сочетанию и перетеканию смыслов лежит в доминанте всего творчества поэтессы. Перед нами стихи о любви, женское начало в них очень явно выражено и одновременно утончено – до дуновения, до тонкого взаимодействия ранней весенней страсти и позднего осеннего материнства.

*Но сердце,
но сердце дрожит под руками
И помнит, и знает, что было и будет.
Я миру покорна, мне Женщина – имя.
Мне долго идти, но дорога к родному.
Средь смуты и лжи,
среди морозного дыма –
По зыбкому снегу к желанному дому!*

Здесь ассоциативно и в развёрнутом образе, будто невесомым острым грифелем, намечен женский путь к своему истинному предназначению: «я миру покорна» – «мне долго идти» – «среди смуты и лжи» – «по зыбкому снегу» – «к желанному дому».

У Кожевниковой почти всегда можно найти в стихотворении «высокий мир», который может присутствовать штрихами или понятием, душевным стремлением или небесным ракурсом земных вещей и движений. В этом мире холодно телесно-му человеку, в нём постоянно живёт разлука – уже продиктованная его смертной участью («как холодно в мире высоком»). Такое созерцание духа, парящего над собственным телом, пронизано интуитивным знанием настоящего и будущего и неотрывно от печального одиночества, в котором соединены земная доля и «звуки небес», о чём когда-то сказал Лермонтов.

*Душа блаженная здесь смело
Над миром реяла, молясь
О вечной родине и доле*

*Её прощать и воспевать
Из васильков весёлых поле
И белых храмов благодать.
И не мешали ей – высокой –
Звенеть от счастья и тоски
Ни глухо запертые окна,
Ни станционные гудки,
Ни лай собак, ни лязг металла,
Ни звук обманчивых речей.
И небо медленно светало
Под треск рождественских свечей...*

«Мир срединный», бытовой – приподнят над «миром низким»; он плотен, сиюминутен, вязок и скорбно конечен. А ещё – докучен и раздражителен. Низкое «царство» к тому же агрессивно, бесчестно, безжалостно. В поэзии Кожевниковой, как правило, происходит соприкосновение «высокого» и «срединного», именно в этом тихом конфликте возгорается искра белого холодного огня, который не греет, но освещает бытийным светом всё на земле. И если веет волна тепла и участия, то её источник – женское сердце, не жалеющее себя, отдающее мгновения собственной жизни тому, кто этого достоин – детям, родному дому, васильковому полю, возлюбленному, памяти. Оно похоже на Спасителя, образ Которого в русской народной традиции так бесконечно добр и непостижимо щедр.

*Из мартовского льда,
дворовой скверны,*

*Сырых бараков, выстроенных в ряд,
Старухи, торопясь, идут к вечерне
И тает солнца вымученный взгляд...*

*На время – здесь всё сумрачно
и зыбко...*

*Но тот, кто впереди меня идёт,
О воздух обопрётся без улыбки
И в ночь сырую тихо перейдёт,
На миг лишь потревожив птичьи гнёзда
И крыльями раздвинув облака.
Вечерни час. Сильней и ярче звёзды.
Печаль земная, словно вздох, легка.*

Примечательно, что в одном из стихотворений поэта роняет: «по-прежнему мир стыден и велик...» Слова эти характеризуют восприятие не главной героини, однако произносит их именно она.

Готовность вымолвить то высокое, что было сообщено каждому при его рождении Небом, с течением лет теряется – будто песок просыпается сквозь худеющие пальцы на землю. И если душа в силах озвучить хотя бы память о первоначальных небесных дарах – она непременно сохраняет способность воспарить над «глиняным» миром. И словно с высоты увидеть его детали, подсвеченные бытийной ясностью, особой отчётливостью, выпуклостью: «лодка, дерево, весло»; «узкоглазый скачет мальчик»; «тяжело вздымая бок, поворачивается Каспий».

Взгляд автора только отчасти созерцает событие, главное – Кожевникова чувствует вкус происходящего,

впитывает переживание, а не черты. И это свойство, которое сродни «третьему глазу», выводит её стихи в большое пространство – и земное, и духовное. Обычный житейский материал поэта превращает в событие мистическое – над-земное и над-временное.

В опустевшей деревне героиня – «последняя странница», и ласточка, напоминая о чьей-то душе, доверчиво влетает в сени. Здесь нет дороги–пути от одного пункта к другому. Но есть влетевшая ласточка, взгляд «странницы» от ворот к облаку, шёпот месяца, идущий от ночного неба к дому, вращение только что посаженных цветов в песчаник, ласточкин писк, доносящийся от двери вглубь комнаты, скатившаяся в подпол «слепая звезда»... Нет движения, но есть перетекание состояний, мерцание чувств. Покой Рая – равновесие мироздания и сердца, переполненного переживанием прошлого, настоящего, будущего.

Однако теплота картины словно гасится холодом сквозняка: тут нет детей и возделанной пашни – «в этой деревне, обделённой землёй и любовью земной». В родовом сознании русской женщины тяжкая, вязкая почва неотделима от ангельской выси, и потому их разделение у смертной черты столь трагично.

*Свята земля сия.
Хочешь ты или нет,
Будет над ней сиять
Дивный Господний свет.
В мире сейчас темно,
Молнии – отблеск меча.*

*Страшно. Но есть окно,
Женщина и свеча...*

В тесном, ожесточённом современном мире поэтесса называет три ориентира, которые позволяют преодолеть плен обстоятельств. Очень ёмкие по смыслу, они привычны и просты для обиходного ума: «окно, женщина и свеча». Между тем их сокровенное значение чрезвычайно весомо – ожидание, верность, святая вера.

Вглядываясь в эти путеводные огни, мы проходим сквозь времена, преодолевая страх, боль, усталость и отчаяние...

4.

У Кожевниковой в стихах жизнь предстаёт быстро текущей и одновременно – целой, не иссякающей со временем. Её приметы меняются, и взгляд с горечью фиксирует исчезновение одних черт и приход других. Однако дар жизни длится и длится и, кажется, не прервётся никогда. Это понимание приходит к лирической героине мучительно трудно – через расставания и потери, но возникнув, остаётся в её душе тихой благодатью. Реальные предметы и природные вехи времени воссоздают движение ума и сердца от прошлого к настоящему, а соприкосновение человеческого обихода с природным распорядком сообщает поэтической строке объём, определённую и эмоциональную силу.

*Не октябрь, а одно пепелище,
Вместо облака – запах золы.*

*Опустело к обеду жилище,
Кто-то вымыл до блеска полы...*

*...Солнце встало в углу и не светит.
И не знают, не знают во мгле
Первый снег и пронзительный ветер,
Что тебя уже нет на земле...*

«Долгий длинный миг» для Кожевниковой – форма соединения с реальностью, когда за чёткой канвой событий возникает некое пространство инобытия («В медовом месяце июле бывает долгий длинный миг...»); «Из реального времени падаем в вечность иную...»). Так происходит постоянно. Героиня воспринимает этот мистический отсвет краем сознания, он становится фоном для действий и лиц, изменений воздуха и земли, для движения воды («в ряби речной изомнутся уста»).... Течение времени как будто замедляется, «вчера» наплывает на «сегодня», и потому рисунок действительности и переживание могут быть показаны очень подробно. Они как бы пододвинуты к глазу рассказчика и уже затем – к глазу его читателя.

Между тем поэтесса обладает замечательной способностью воспроизвести чувство или картину как целостный художественный образ – развёрнутый, но не измельчённый на бесчисленные детали, которые гасят его важнейшие черты. Это почти классическое умение дать полноту в подробностях. Теперь оно подменяется у иных версификаторов массой мело-

чей, за которыми, практически, невозможно угадать первопричину авторского высказывания.

*Летят, жужжа, из розового улья
К ожившим вишням сонные жильцы.
Обманутся! Давай составим стулья
И сядем вместе.*

Солнечной пыльцы

*Висит меж веток тень и непонятно –
Октябрь на дворе, иль навсегда
Осталось лето и дыханьем мятным
Струится в дом.*

С чувством всепоглощающей любви в поэзии Кожевниковой связано своего рода «плавающее время», когда взгляд повествователя видит в природе и в человеческом обиходе черты прежнего счастья или печали, и они очень естественно сливаются с реальными вещами, прикрепленными к настоящему мгновению.

Её героиня, кажется, только и существует как часть этого небесного дара, свыше переданного женщине. Причём удивительные по силе переживания практически всегда привязаны в стихотворении к неожиданному образному и смысловому финалу:

*Другая придёт. И сверкая
Крылами и гибкой спиной,
Пройду я, слезу утирая,
И ты зарыдаешь за мной!*

Стихи о любви у Кожевниковой исполнены глубокого драматизма, в них:

- счастье взаимности;
- уход возлюбленного;
- память о любви;
- новое чувство;
- сопоставление настоящего с минувшим;
- покорность течению событий;
- восприятие прошлого как главной жизни;
- смиренное соединение себя с природой, которая является самым верным хранителем воспоминаний о «долгом длинном миге» уже давней радости.

По существу, перед нами разворачивается протяжённая лирическая история, в которой много нежности, горя, надежды и терпения. «Терновника жальший цвет» – именно так сокровенные и внешние коллизии происходящего воздействуют на внутренний взор читателя, «царапают» его.

*Не годами красна моя женская участь,
А безмерной любовью до смертного дня.
Жизнь уходит, приходит, ликуя и мучась,
Серебристой блесною на солнце маня.*

Женская любовная лирика сегодня широко распространена. Её художественное, образное воплощение, как правило, не оригинально. Высокопарность слога, неузнаваемость событийной канвы, отсутствие реальных деталей – вот самые общие претензии, которые литература может предъявить этому типу стихосложения. Или, напротив, – чрезвычайное нагромождение «бабских» безделушек, за

которыми совсем не видно высокой жизни одинокого сердца – только умеренное влечение к противоположному полу и абсолютная неготовность следовать библейскому определению: «сильна яко смерть любовь».

У Кожевниковой чувства находятся со словами накоротке, её речь предметна и единственна по словарю и обладает способностью собрать вместе жест, мимолётную заботу, деталь интерьера, бледный фотографический промельк прошлого, звук, дуновение. И воссоздаётся не мир действительный, «твёрдый», рациональный, а само переживание, тайный космос человека – огромный, но и волшебно уместяющийся в крохотном зримом пространстве: «Взлетела в небо птица дня, // Упала в травы птица ночи».

Тут нет экспрессивного «захлёба» – стихии напказ, что почти всегда свидетельствует об отсутствии и сосредоточенной мысли, и сердечного трепета. Зато тихим голосом (он постоянно звучит в сознании читателя) безыскусно утверждается, что любовь – это родство и соединение влюблённых в единое духовное существо:

*И всё остановилось:
Река и речи, время... Наугад
Жила я в пустоте, о том не зная,
И если ты, найдя меня, не рад –
Тогда тебе я вовсе не родная.*

5.

В поэзии Натальи Кожевниковой всегда присутствует связь между душевным миром героини и окружающей природой, которая сопереживает ей в счастье и печали. Драматизм происходящего, психологическое напряжение от этого многократно усиливаются.

В то же время город появляется в стихах как нечто искусственное и кратковременное: на всех его деталях, словно «водяной знак», видна печать стеснённости и неуверенности; его черты, будто нарисованные углем на белом снежном фоне, кажется, готовы осыпаться при очередном порыве сильного ветра. Здесь не найти своенравной стихии движения и покоя, крика и шёпота, «сумасшествия сада» и «одиначества трав».

Природа становится ещё одним alter ego автора. Подобное скрытое родство позволяет поэтессе говорить о ветре, лесе, реке как о чём-то своём. По яркости восприятия перед нами почти детское видение мира.

Живопись в стихах Кожевниковой сюжетна и очень узнаваема: она звучит, переливается красками, дышит, двигается – словно оживает перед внутренним взором читателя. Так умели писать в XIX веке, когда всё вокруг было предметно, любимо и значимо. Сегодня это мастерство в значительной мере утрачено, хотя порой появляются произведения, которые без преувеличения можно назвать об-

разцом пейзажной лирики – как, скажем, стихотворение «В бору»:

*Шагнёшь в него – лишь зной и тишина.
Шалфеем дышит день, грозой далёкой.
И кажется, вот-вот грядёт она,
Сверкнёт с небес молниеносным оком...*

*...Свистят стрижи и падают в закат,
Что в сумраке горит уже негдеinem.
О, с кем они там тихо говорят
На птичьем языке своем безгрешном?*

*И радостно друг друга узнавать
По шёпотау травы, по гулу грома,
И если здесь останусь зимовать,
В сосновой зыбке буду я как дома...*

Всё слито в совместном существовании, и лирическая героиня оказывается частью окоёма, в котором есть напоминание о райских куцах. Очень важно, что у Кожевниковой природные явления соседствуют с православным космосом. Не противореча друг другу, с чудесной мягкостью они скреплены в одно целое.

В русской природе присутствует некая, невыразимая словами, печаль. И наша литература, во многом проникнутая чувством непреодолимой дистанции между человеком и Богом, откликается на грусть деревьев и трав, земли и неба, всякого живого существа...

В поэзии Натальи Кожевниковой образ Женщины, кажется, духовно неотличим от природы. Сердечная «потерянность» лирической героини сходна с переживаниями «падшего» мира, сохраняющего на самом дне памяти эдемские картины всеединства. И когда одиночество становится невыносимым, любовная лирика под пером автора обретает тонкие евангельские черты, напоминая о событиях в Гефсиманском саду:

*Завоет ветер, ветки теребя,
В моём саду, и я без слёз заплачу –
Как лодка на безводье, без тебя
Я в этом мире ничего не значу...*

В стихотворениях поэтессы разных лет внимательный взгляд обнаружит постоянное присутствие ветра. Словно обновляющее начало, порой стремительное и жестокое, осенний ветер сметает груз тяжких переживаний и картин, от которых сжимается душа героини, истерзанная пыткой воспоминаний. Зимняя белизна готовит её к весеннему преображению, появлению надежд и глубокому дыханию, в котором женщине дано чувствовать трепет природы, её неискоренимое желание жить.

Однако в глубине подобных ассоциаций скрыт неустранимый конфликт между циклическим природным возрождением и человеческим веком, у которого есть последняя черта: «Это жизнь. И её ещё надо // Нам обоим прожить до конца». Возникает понимание

собственного высокого одиночества, и стихи пронизаны такими адресными нервными волокнами:

*...Мне бы пожить ещё там, у речного
истока,
Белого храма на круче, последнего
Божьего света...*

*...И сердце живое забилось с тоскою
О том, что исчезло, да вряд ли и было,
Что душу томило, что жадно любило,
И стало песком и водой перекатной,
Незыблемым лесом, зарёю закатной...*

Превращение в одухотворённую часть вечной природы в какой-то мере оказывается предназначением нашего земного существования. Но ведь есть ещё неумирающая душа и то, что ей дорого: родная кровь, земля предков, заветы прошлого.

Между тем «шёпот крови» понятен только в реальном мире – в тонком пространстве он неразличим. Героиня в уличном прохожем не узнаёт тень отца, и сама же остаётся им не опознанной: «И мы в толпе шли рядом, двое, // Но шёпот крови не был слышен».* Важно внимать этому тихому голосу в живой реальности и не уповать легкомысленно на позднее знание, когда события свершатся и ничего уже не изменить. К этой мысли Кожевникова подводит читателя, практически, всей своей лирикой.

Координаты, в которых «прописана» бессмертная

душа героини сейчас, обозначены вполне отчётливо: «Посреди реки и света, // Вздоха, воздуха, земли...». Домашнее тепло и житейскую узнаваемость двум из четырёх стихий придаёт именно «вдох» – вода становится «рекой», огонь превращается в «свет» (и приобретает новое, духовное измерение). С «воздухом» соприкасается уже упомянутый «ветер», а вот понимание «земли» непременно требует художественного уточнения. Тем более в связи с чувством рода и преемственности, которые неявно присутствуют в ряде стихотворений поэтессы.

*С ветки слетел богомол и притих:
Богу ли молится, солнышка просит?
Ворох монеток своих золотых
Бросила в ноги нам сонная осень.*

*Роща прозрачна, и русский простор
Робкую душу сегодня тревожит.
Стая ворон обогнёт косогор,
В небо вратёт и вернуться не сможет.*

*Только для тех, кого жизнь не страшит,
Поле пустое, в потёмках жилище.
Морок, огонь ли вдруг всё сокрушит –
Им возвращаться на то пепелище.*

*Утром скрести по сусекам, латать
Конную упряжь и солнцу вдогонку
В пашню зерно золотое кидать,
Песню придумать под стая жаворонку.*

Поразительное равновесие бытия отличает этот поэтический сюжет, в котором сошлись вместе и трудная доля, и ни с чем несравнимое упорство и трудолюбие русского человека, его земная правда, и взгляд сверху – с Божьих высот – на его предназначение.

*Знай же – загадочность русской души
Лишь иноземцу лихому морока.
Пришлому тайну раскрыть не спеши –
Как на просторе она одинока...*

Здесь сомкнулись ранние и поздние стихи Натальи Кожевниковой – художника тонкого, пронизательного и устойчивого в координатах русского мира как вселенной.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ВЕРБНОЕ

* * *

Старее изябшая яблоня –
Рееет рисунок веток.
А рядом старее мама –
Всё тоньше веточки вен.

Все дальше и дальше яблоня,
Желтея, уходит в осень.
Всё долше весною длится
Её неглубокий сон.

А рядом – белее облака –
Над маминим лбом усталым
Слабее и тихо гаснет
Рееющий нимб волос.

* * *

Мама моя – ты теперь земля,
Млечные облака,
Дальнее эхо, роса, поля,
Медленная река.

Солнце, что светит упорно мне
Сквозь неурядиц мглу.
Вот почему я теперь вдвойне
Землю свою люблю.

* * *

Слезами обольюсь в ночной тиши,
Но голос твой далёкий не услышу.
Лишь с вечера заползший в камыши,
Ворвётся ветер, жалуясь, под крышу.

Лишь боль твоя последняя в ответ
На миг толкнётся в сердце острой спицей,
Когда невозмутимый лунный свет
Пройдётся по разохшей половице...

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Под гулким звоном небосвода
Субботный храм принять готов
И скорбь оставшегося рода,
И дух отеческих холмов.
Отцов и жён поминовенье,
Неверный блеск и дым свечей.
И виснет тяжкое мгновенье
Над сонмом сгорбленных плечей.
Когда раздумчиво с амвона
Стекут родные имена,
Таясь от всех, сердца до стона
Сожмёт тягучая вина.
И страшно в лица оглянуться,
И больно вверх поднять глаза,
Где в купол луковичный рвутся,
Пылая жарко, образа.

* * *

Я вхожу, отодвинув плечом суету,
В недостроенный храм и в смущенье немею –
Богородицы лик вознесён в пустоту,
И горячее солнце сияет над нею.

Есть особая праздничность русских небес,
Где незримо цветут виноградные лозы.
Но опять и опять – как по коже надрез –
Отрешённость лица её, взгляда и позы.

Что в любви и в тоске обнимает дитя,
И не знает о муке его предстоящей...
Как смириться, смолчать и, покой обретя,
На колени упасть безответной молящей?

В безграничном, родимом на свете краю,
Где под дождиком ходят берёзы босые,
Не умея молиться, я тихо стою
В недостроенном храме, в изножье России.

К ГЕРБУ

Мой бедный русич!
Византии
Не снилась русская заря
В снегах, где славили витии
Печать великого царя.
Тебе ли, ратнику, стыдиться
Щита червлёного с копьём?
Столетия в поле пыль клубится
И пахнет прахом и огнём.
Крикливый шут и царедворец
Напрасно в страхе лжёт и льстит.
Святой Георгий-змееборец
В небесной мантии летит.
И конь серебряный дивится
Дракону возле трёх дорог,
И вечность с ним святому биться,
И надпись светит – «С нами Бог!»

* * *

Как нетленна любовь, так и вечен народ –
В безоглядной дали и в тюремном бараке.
Вот и холм посредине села от невзгод
Уцелел и поёт, и сияет во мраке.

А над ним не спеша, без незначащих слов
Поднимается церковь из золота сосен,
Упираясь свечами своих куполов
В осиянное небо, в пресветлую осень.

И на дымчатых ветках висят до поры,
И о будущем грезят иголки и листья.
И задорно, победно стучат топоры,
Лик Христа проступает под беличьей кистью.

Как велик и доступен пленительный зов,
И ничтожен в безумии бывший гонитель!
Коли вечен народ и нетленна любовь –
Обустроена будет и Божья обитель.

пос. Колтубановский

* * *

В неоглядной земле я стою на краю,
И за ветром пшеничным пылится дорога.
Ни в горах, ни в морях, ни в аду,
    ни в раю
Не найти мне другого венца и порога.
И пока сеет солнце свой набожный свет
Сквозь гремучую пыль,
    застелившую небо
(в ней период распада три тысячи лет
и не меньше), - и пыль эта
    в мёде и хлебе,
А в земле поднимается наверх вода
По корням, перебитым
    полуночным взрывом,
И беспечно, безбедно гудят провода
Над рекой, над судьбой,
    над тоской и обрывом –
Мне не страшно идти до конца,
    до креста.
Слышишь? Колокол будничной
    звякнул во мраке,
Засветилось звездой окно у моста,
И заплакал ребёнок
    в больничном бараке...

ПАМЯТЬ

Моя память, как малый ребёнок, капризна –
По ночам тяжела, горяча и нема.
За околицей ветер вызывает: «Отчизна!»
И во мгле проступают на миг имена
Обезглавленных храмов и башен тюремных,
Адских станций с урановой плотью внутри.
Одинокая! Ради живущих и бранных
Потерпи и солёные слёзы утри.
У погоста полынь зацвела в буераке.
Я ли долго сидела там, мать схороня?
А душа её тихо стояла во мраке,
Трепеща и, как прежде, лелея меня...
Или бабочки в окна впорхнут удивлённо,
И закружат вокруг, осыпая пылью,
И я вспомню, как ты прикасался влюблённо
К моему под луной голубому лицу...
Моя память, ты – узник, желающий воли.
Беспощадна – как цепкие когти волчат
На дороге, упавшей в зелёное поле,
Где по-русски отчаянно птицы кричат.

* * *

Лишь лёгкая лодка на вольной воде,
Да солнце и небо, да радостный случай –
Два дня и две ночи в счастливом стыде
Пред миром, где правит татарник колючий,
Где зыбкою строчкой колеблется дым
Над мазанкой сирой... Я помню, как милость –
Нечаянно чайка крылом молодым
Коснулась воды и, упав, преломилась
На тысячи звуков и брызг над водой.
И тут же, стремительно, в сини небесной
Возник перехватчик и мёртвой звездой
Зловещие знаки расставил над бездной...

Качни мою лодку, степная река,
Я вижу и так, сквозь закрытые веки,
Как с гулом и треском проходят века,
Монахи, поэты, бойцы, дровосеки –
Меж жизнью и смертью, любовью и злом,
В серебряном мареве мерно качаясь...
И белая рыба плывёт под веслом,
Любить разучившись и выжить отчаясь.

* * *

Живая вешняя вода
Сквозь поры снега проступила,
И раскачала провода
С утра неведомая сила.
Лохматых галок согнала
С линиях крыш на тротуары,
Где вместе мусор и зола,
Торговцев скудные товары.
Где до земли асфальта пласт,
Стекло и соль под каблуками,
Где бедный нищему подаст
Калач дрожащими руками.

Великий пост. Все – догола –
Дубы стоят, не зная срама.
Молчат еще колокола
В миру единственного храма.
Но от окраин – вербный дух,
Но время вечностью палимо.
И радостно поёт петух,
Как в рощах Иерусалима.
Ах, Господи, какая синь
Порой заглядывает в сени!
Исчезну я. Но не отринь
Земли, упавшей на колени...

ВЕРБНОЕ

В руках дрожит и тает верба,
Как предрассветная свеча.
О древность выбранного герба
И лента Анны у плеча!
Всё - прах и может только сниться.
Разбит и щит, где ночь и день
Гуляет хитрая куница,
И воздух слушает олень.
А что взамен? Я вижу гору,
Дымы в суровых небесах,
Осколок плуга, птичью ссору
И тень в разрозненных лесах.
Так вязнут ноги в серой глине,
Так горек вербы первоцвет!
В библейской сумрачной былине
И в русском доле брезжит свет.
Кричит таинственная птица
О сладкой вольности разлук,
И все настойчивей мне мстится –
За той горою – Бузулук.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗЛИВ

Весна, как свечка, плачет на ветру,
То вскидываясь в синь, то затухая.
Дорога на Москву совсем сухая,
И только взглядом выхватишь ветлу –
Ан нет её, она уже у края,
Проваливается в воздух, в никуда,
За ней летит озябшая вторая...
Им вслед тихонько свистнут поезда,
Чугунный мост вдвоём переползая,
Забыв свою дорожную тоску.
Река моя, весёлая и злая,
В последний раз играешь на веку!
Дрожит в руке бинокль, и вода
У самых глаз – тяжёлая, большая,
Деревья, как соломинки, вращая,
Столбы, опоры, вырвав провода,
Заплещется, забрызгает стекло...
В последний раз река меняет русло!
А после плен, где горестно и тускло.
Как щёку бледным солнцем припекло!

* * *

Цветут небесные поля.
Из булочных – волна ванили.
Сегодня праздник – тополя
Грачи крылами осенили.
Хочу заплакать – не могу,
Зима уходит за пригорки, -
Пусть там, в каком-нибудь логу
Снегов дожёвывает корки.
А здесь невысохший асфальт,
И в окнах музыка живая.
И только раз воскликнет альт,
Щемящей боли не скрывая,
Вспомянет старое, да Бог
Не даст ему печалить душу,
И солнце ляжет на порог
Дыханье собственное слушать.

* * *

Как тайных росписей свеченье –
Льняной лощины полумгла.
Какое высшее значенье
Молва названью придала?!

Опять резной ложится тенью
На луг дубовая листва,
И жарко каждому растенью
В зелёной тесноте родства.

А дальше – холм, травой поросший,
Обрыв в сияющий закат,
В простор небесный, в час полнощный,
Где только спутники летят.

* * *

Уйти в поля, где солнце тихо тянет
Из темноты зелёные ростки,
Где гром над головой неспешно
  грянет,
И облака столпятся у реки.
Вдыхать с земли знакомый запах хлеба,
И мять в руках полыни жёлтый цвет,
И долго слушать птичий посвист неба,
И знать – роднее места нет...

* * *

Во льду бетонное крылечко,
И дали снегом замело,
Где на холмах Сухая Речка –
Достопочтенное село.

Иосафатова долина.
Тюрьмою ставший монастырь.
Отсюда мне видна калина,
Берёзы, свалка и пустырь.

И ничего о них не зная,
И зная всё, о том скорблю –
Уйдёт в безвестность даль лесная,
Что я жалею и люблю.

Сгорят берёзы в жаркой печке,
Темниц удвоится число.
Стою и мёрзну на крылечке,
Что в родину навек вросло...

* * *

Мой духовный отец белокож и кудряв.
Божья Матерь посмотрит со скорбной улыбкой,
Как смиренной косынкою волосы смяв,
Я целую оклад в полусумраке зыбком.

Небо грезит рассветом, и тает свеча.
Где таится спасенье – в борьбе иль в смиренье?
До сих пор не приемлет земля палача,
Верен старому слух и немеркнущее зренье.

Вспыхнет золотом вечное в небо окно.
Станет тесно и шумно на паперти узкой.
Что забыто и брошено в пропасть давно?
Что воскреснет и вырастет в памяти русской?

То ли плач и мольба, то ли яростный крик
Вознесётся к весеннему птичьему гаму?
И смеётся, и плачет поддатый мужик,
Не нашедший дороги ни к дому, ни к храму.

* * *

Перелесок, дорога, тишь,
Голубая Полынь-звезда.
И не знаешь – живёшь?
Летишь?
Или падаешь в никуда?

Нет ни времени, ни границ,
И лишь долго хранят небеса
То ли ангелов, то ли птиц
Осторожные голоса.

УДИЛЬЩИК

Вода прозрачнее, чем воздух,
Златым лучом играет дно.
В небесной мгле последний отзвук
Грозы, просроченной давно.
И там, где берег опалённый
Перепоясал речку Ток,
Сидит удильщик утомлённый
И смотрит вниз на поплавок.
Приходит вечер ниоткуда,
Редет солнечная сеть,
Он неподвижен, словно Будда,
Его уже не рассмотреть.
Реке и миру неизвестный,
Сидел он долго на виду,
А превратился в ствол древесный,
Затем в туман, затем в звезду...

* * *

Печально сегодня мне в доме моём,
Нет в печке тепла, не скрипят половицы,
В открытый ветрами оконный проём
Осенний простуженный воздух струится.

И слышу, и знаю – летят воробьи
В рябинник, где бледное солнце гуляет,
Где тихо и мирно по нашей любви
Прехитрая осень поминки справляет.

Одна-одинокa на этом пиру –
Не каюсь, не плачу, а с верой внимаю
Гусиному крику на синем ветру,
Сумятице листьев, далёкому маю...

* * *

Когда мне очень одиноко,
Когда, спускаясь в мир иной,
Луны проснувшееся око
Следит внимательно за мной,
Пыльцу теряя золотую
В полупрозрачных облаках,
Когда мне истину простую
Понять не хочется никак,
Придёт лохматая собака
Делить со мной ночную грусть,
Из немоты земного мрака
Смотреть с мольбой на Млечный Путь.
Сродни печали человеческой
Печаль звериная сильна.
И мне невольно станет легче
В ту ночь незрячую, без сна.

ДОМОВИТАЯ ЛАСТОЧКА

* * *

Утром из дома выйдешь –
В инее каждый кустик.
Словно из сердца вынешь
Жаркий комочек грусти.
Тронешь – и медленный вздох,
Осколками вниз, у ног
Серебряной пылью лёг...

* * *

П. Филатову

Есть образ дома – стол, икона,
Окно, распахнутое в сад,
Где соловьи весной до стона
Самоотверженно свистят.
Портрет младенца над роялем,
Собрание православных книг,
Не зря звезда над ним сияла
Сегодня – целый долгий миг.
Не зря рябина пламенела
И к сердцу льнула, не таясь –
Душа блаженная здесь смело
Над миром реяла, молясь
О вечной родине и доле
Её прощать и воспевать
Из васильков весёлых поле
И белых храмов благодать.
И не мешали ей – высокой –
Звенеть от счастья и тоски
Ни глухо запертые окна,
Ни станционные гудки,
Ни лай собак, ни лязг металла,
Ни звук обманчивых речей.
И небо медленно светало
Под треск рождественских свечей...

* * *

Под медленный шелест летящего снега
Лицо запрокину. Что в звуке и знаке?
То землю объяла чудесная нега
Полночной зимы, воссиявшей во мраке.
Нет звёзд драгоценней,
нет снега белее,
Чем в небе российском,
чем в рощах кленовых.
Под снегом цветы, что смиренней еля,
И ягоды сладкие веток терновых.
Забывчивы звёзды – уйдут с облаками,
И землю к рассвету морозы остудят.
Но сердце,
но сердце дрожит под руками
И помнит, и знает, что было и будет.
Я миру покорна, мне Женщина – имя.
Мне долго идти, но дорога к родному.
Средь смуты и лжи,
среди морозного дыма –
По зыбкому снегу к желанному дому!

* * *

Юлии

Ах, доченька!
Лики морозные в окнах стоят,
Ветра одолели.
    Как холодно в мире высоком,
Когда небосвод окаянною силой разъят
И солнце глядит из него
    угасающим оком
На землю, одевшую скорбный
    больничный убор,
На рощи ольховые
    в зыблемых льдистых серёжках,
Что звоны хранят –
    то звонит православный собор,
Взлетающий к облаку
    в огненных каменных крошках.
Мы чудным спасеньем
    с тобою пленимы одним.
А снег под ногами скрипит,
    предвещая разлуку.
Прости, что до века
    облеплена страхом моим,
Несёшь ты девичества стыдного
    радость и муку.
На этой земле повторяется всё –
    и не раз.

И долго, и больно смотреть мне
    с последнего края,
Как ты, дорогая,
    уходишь в назначенный час,
Тревожно и чутко
    меня в темноте окликающая...

ПЁС

По узкому следу, по белому снегу
Мой пёс молодой озабоченно рвётся.
Глядит на меня удивлённо и смело:
«Ну что же, ну что же она не смеётся?»

Так жизнь беспредельна, так ветки пахучи,
Так хочется воли до хрипа напиться!
На белом, на стылом – как палевый лучик –
Дрожит и струной поводок серебрится.

А после, в покое, на ворсе ковровом,
От сытого счастья немного совея,
Клычком своим белым сверкает сурово –
Бежит, всё бежит за хозяйкой своею...

* * *

*«Я в жизни только раз
сказал «люблю»...»
Ю. Кузнецов*

Он в жизни столько раз сказал «люблю»,
Он слово это вывесил среди поля.
Его трепали ветры, вёсны, воля!
Потом он встретил милую свою.
Рассёк, молниеносный, грудь её,
Где сердце обезумело тугое,
Ударил гром и он забыл своё,
И солнце в небеса взошло другое.
Он ад найти осмелился в раю,
Он день прогнал обратно ночью пылкой!
И хочет он теперь сказать «люблю»,
А губы сводит жалкою ухмылкой...

* * *

Примирилось вскоре сердце
С нанесённой горькой меткой,
На незримом небосклоне
Ты один и я одна.
Безбоязненно и глухо
Бьёт берёза белой веткой
В строгий крестик переплёта
Затемнённого окна.
Драгоценный мир расколот.
Разлетелись все осколки
И сияют во Вселенной,
И горят во тьме земной.
Мне осталось только слушать –
Взвоят сумрачные волки
В голубых степях уральских,
Над последней тишиной.
За звездой в развёрстом небе
Будут бесы волочиться...
Чтоб не смог с тобой лукавый
Злую штуку пошутить,
Я пойду крещенской ночью
Вслед за вьюгою-волчицей
На дверях твоих закрытых
Мелом крестик начертить.

* * *

Я забываю постепенно
Не очертания лица,
Не разворот плечей пловца,
А радость вишни белопенной
По обе стороны крыльца.
Бездонность неба, тень узора
На нём, где туч толклись воза
(Там шла безмолвная гроза),
Но помню в зеркальце обзора
Твои спокойные глаза.
Бензина еле слышный запах,
Бинокль в коже дорогой...
Сломалась ветка под ногой,
Исчезла белка в хвойных лапах,
Исчез и ты. Но кто другой
С твоим лицом, лицом влюблённым
Стоит на низком берегу,
Так ясно видный на снегу
Сквозь ветра свист потусторонний,
Сквозь полуночную пургу?

СИРЕНЬ

Зима – заступница моя!
Закутанная в плат, суровая,
Уходит в белые края,
А я – я деревце дворовое.
Распятый, влюбчивый росток,
Мне милы все щенячьи мордочки,
Трамвайный с улицы свисток
И музыка в разбитой форточке.
Как женщина, люблю тепло,
Как женщину, меня ломают полночью,
И брызжет каплями в стекло
Роса и кровь, и сок мой солнечный!
А после в грузном хрустале
Распустят ветки сны медовые,
Да так, что рюмки на столе
Забудут выкрики бедовые.
Садовник мусор уберёт.
Где ж мне, с обломанными крыльями,
Кричать, кривить зелёный рот
Над лавками, до ночи пыльными?
Но грянет трубами Покров,
Расчешет волосы мне гребнями.
Зима придёт – поднимет бровь –
И я забудусь сном серебряным.

* * *

Свет февраля, фиолетово-льдист,
В окнах стоит, словно память о сыне,
Мной нерождённом.
Цветёт декабрист.
Утром морозно, а вечером сыро.
Мальчик на санках
  в пространство летит,
Галки орут – в холода одичали.
Мальчик смеётся, а ветер свистит,
Как озорник, у него за плечами.
Что мне за дело?
И мальчик чужой...
Сердце, зачем ты внутри кровоточишь?
Сумерки плачут.
Зима госпожой
Ходит по насту средь зрителей прочих.

* * *

Распахнулась небес корзинка,
Проступили цветы на белом,
И вокруг не зима, а зимка
С молодым и атласным снегом.
И на сердце совсем не саднит,
Что с тобою не встречусь боле.
Вон, как встарь, одинокий всадник
Проскакал стороною в поле.
Вслед собака бежала с лаем...
Что – пустое – в снегах искрилось?
Ослепив, поманило раем
И за крышами тихо скрылось...

* * *

Та забава не унылому –
Побежать в мороз большой
Босиком по снегу стылому
(Я ль не русская душой!)
В банный дух с весенним привкусом
Мяты, клевера, свечи, –
Где горит весёлым искусом
Пламя в щёлочке печи.
Где нагой, простоволосою,
Жарким сумраком дыша,
Вспомнить – было лето с осами,
С пылью звёздного Ковша,
С рощей белою, берёзовой...
Вот и стало тело розовым,
И оттаяла душа.

* * *

Из мартовского льда,
                    дворовой скверны,
Сырых бараков, выстроенных в ряд,
Старухи, торопясь, идут к вечерне
И тает солнца вымученный взгляд.
Стекло под каблуком,
                    как стая льдинок,
Хрустит, и тут же за углом
Собачится до слёз вокзальный рынок,
Пропахший самогоном и козлом.
Я знаю что? – Мне весело и жутко
Идти и верить в сон свой наяву,
Глядеть на пожилую проститутку,
Уткнувшуюся в жухлую траву.
На время – здесь всё сумрачно
                    и зыбко...
Но тот, кто впереди меня идёт,
О воздух обопрётся без улыбки
И в ночь сырую тихо перейдёт,
На миг лишь потревожив птички гнёзда
И крыльями раздвинув облака.
Вечерни час. Сильней и ярче звёзды.
Печаль земная, словно вздох, легка.

* * *

Оттепель. Двадцать второе.
Март собирает святых.
Солнце играет сырое
В звонницах храма золотых.
Греет до слёз половицу...
Хочешь, из белой муки
Выпеку жаркую птицу,
Выпущу в небо с руки?
Вольному – вольная воля!
Там ей найдётся дружок,
Речка и чистое поле,
Ангельский в горло рожок.
Туч грозových неизбежность...
День – как сосуд из стекла.
К вечеру талая снежность
Медленной каплей стекла.

* * *

Многого не хочу,
Многое не дано.
Мне бы одну свечу
Звёздочкой на окно.
Дальний багряный лес
В лунном ночном плену,
Да золотых небес
Сонную тишину.
Свята земля сия.
Хочешь ты или нет,
Будет над ней сиять
Дивный Господний свет.
В мире сейчас темно,
Молнии – отблеск меча.
Страшно. Но есть окно,
Женщина и свеча...

* * *

Виталии

Луной полношной твердь освещена,
Грозы далёкой лёгкое дыханье
Скользит по волосам, и тишина –
Задумчивого времени созданье,
Сквозит вокруг
и сгинет в свой черёд,
Когда фиалка вспыхнет городская,
И выйдешь ты с улыбкой из ворот,
Упругим телом воздух рассекая.
И я, таясь в черёмуховой мгле,
Дичась, волнуясь, плача, негодуя
И радуясь – пойму, что на земле
Весну опять встречают молодую.
По-прежнему мир стыден и велик, –
Огни костров, далёкие напевы,
И средь листвы блистает тонкий лик
Не дочери, не девочки, но Девы...

* * *

В музее комната часов,
В ней пыль и запах праха.
Она закрыта на засов
От времени и страха,
Что кто-то радостный придёт
За звонами в темницу
И эти звоны заведёт,
И мир переродится.
Всего-то надо – отлепить
Печать из пластилина,
И солнце в комнату впустить
Потоком в форме клина.
Как время ринется вперёд,
Отсчитывая даты!
Закат мгновенный и восход,
Уходы и возвраты...

* * *

Что водой весенней смыло,
Что ветрами унесло,
Что прошло – то стало мило:
Лодка, дерево, весло.
В синем небе перехватчик,
Дым кизячный, чайки крик...
Узкоглазый скачет мальчик
Средь пастушьих повилик.
В бледном золоте потока
Рыба выглянет на миг.
И не близко, не далёко,
В сотне вёрст от снов моих
Молчаливый и рукастый,
Тяжело вздымая бок,
Поворачивается Каспий
Тёмным ликом на восток.

Уральск

* * *

*О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!*
Г.Р. Державин

Домовитая ласточка в сени влетает –
Чья душа к человеку доверчиво льнёт?
И до сумерек облако медленно тает,
Зацепившись за взгляд
у открытых ворот.
Я последняя странница в этой деревне,
Обделённой землёй и любовью земной.
По ночам настороженно смотрят деревья,
Как таинственно
шепчется месяц со мной.
Как врастают в песчаник
цветы золотые,
Что посажены мною в сумятице дня.
Переполнено сердце, а руки пустые –
Ни машин, ни коня,
ни письма, ни огня!
Ни ползвук с дороги –
поверишь потере...
До утра останутся все поезда.
Только ласточкин писк
донесётся от двери,
Только скатится в подпол слепая звезда.

* * *

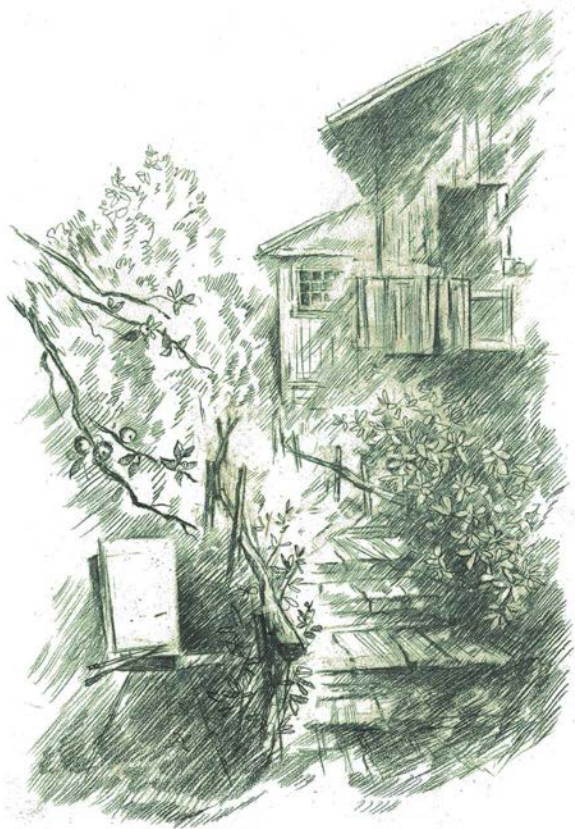
Так и рвётся из рук и из пут,
Простодушен, беспечен и бос.
Ах, подманят тебя, уведут,
Беспородный серебряный пёс!
За окном то ли снег, то ль гроза,
Он скорбит, чуя темень и свет.
Только долго посмотрит в глаза.
«Что ты знаешь?» – я крикну в ответ.
За стеною жирует попса –
У соседей гулянка идёт.
Я хвачусь – нет ни друга, ни пса, –
Явь к коленям припадочно льнёт.
А зимой средь базарных тенёт,
Голове толстолобой тесна,
Серебристая шёрстка блеснёт,
И я вздрогну от жуткого сна!

* * *

Пора весенних медуниц
От края луга – до заката,
Опавших бабочек и птиц,
И грома первого раската.
Взгляну с высокого крыльца,
Запомню всё. Когда усталость
Отяжелит черты лица,
Когда придёт к порогу старость
И жизни вытончится нить,
Скажу: «Одна страшна утрата –
Пора весёлых медуниц
От края луга – до заката...»

В ТВОЁМ САДУ

* * *

Ночи короткие тянутся к свету,
Плачут капли весь день напролёт,
Тёплое, сонное, синее лето
В лодке бумажной по лужам плывёт.

Всё переменчиво – люди, погода,
Мода, растенья. А там, вдалеке,
Ходят грачи под крылом небосвода,
Облако тает у марта в руке.

Солнце такое, что некуда скрыться.
Сердце мятежно и губы сухи.
Впору раскаяться, впору влюбиться –
Близко и слёзы, и смех, и стихи.

* * *

Черёмуха, гамак и книга лета –
Закладки между солнечных страниц:
То жёсткая ладошка бересклета,
То жалобно-наивный голос птиц.

Лесная речка августом прогрета,
И сладко мёда медное литьё.
Черёмуха, гамак и книга лета.
Всё бывшее до них – небытиё.

* * *

Пока ещё печальный счёт потерь
Ни жизнь, ни осень нам не предъявляли,
В сырую ночь распахнутую дверь
Мы с вечера беспечно оставляли.

Луна не покидала небосвод,
Как выполнение тайного условия,
И персика медоточивый плод
Светился до утра у изголовья.

И тихо, словно ангел пролетел,
Звезда скользила в окнах, умирая
Над млечностью уставших наших тел,
Над сонными воротами от рая.

Изба, уснув, скрипела на весу,
Полынью пахла свежая побелка.
И долго ухал сыч в сухом лесу,
Играя в прятки с трепетною белкой.

* * *

Отпоёт снеговая вода,
Отзвенят колокольцы-цветы.
Нагадай мне, кукушка, года
Тихой праздности и суеты,
Вдохновенья, печали, труда,
Что остались мне в этих мирах.
Нагадай! Я пока молода
И не страшен беспаятства страх.
И не робость в душе, а восторг
Пред закатом, что прячет в туман
Обессиленность птичьих валторн, —
Перед жизнью, сводящей с ума.

* * *

В медовом месяце июле
Бывает долгий длинный миг —
От облаков в шмелином гуле
До алых капель земляник.
Когда с землёй немое солнце,
Соизмеря свой размах,
Качает ласково и сонно
Там паутиновый гамак.
И тает ветер бестревожно,
Беду чужую разведя.
И невозможное возможным
Приходит в облаке дождя.

* * *

Деревянная лестница в сад,
Словно трап в золотое кипенье
Солнца, влаги, листвы,
      где как град –
Соловьиное майское пенье.

Где холодный смородинный дух
В жарком сумраке зелени тает,
И неслышно лицо обвивает
Одуванчиков ангельский пух.

Где дрожит и волнуется воздух,
Синим маревом в небо маня,
Где сама я – лишь отсвет и отзвук
Древней музыки, света, огня...

* * *

Нет луны, но тихо светят
В небо белые сирени,
И река остановилась
Подремать в полночный час.
Я пришла сюда откуда?
Где была моя обитель?
В светлом царстве-государстве
За серебряной рекой?
Кто любил меня беспечно
В том, другом тысячелетье,
Распуская косы-кудри
Осмелевшею рукой?
Из чего стихи сложились
В миг, когда вспорхнули птицы?
Из пунцовых горьких ягод,
Слёз, метелей и дождей?
Из вселенской синей воли,
Из разбуженного солнца,
Из земной горячей страсти?
Но отныне знаю я:
Кто ответит – станет мною,
А не мною, так сestroю –
Посреди реки и света,
Вздоха, воздуха, земли...

* * *

Венок лиловый кружится,
И приговор суров –
Кому-то будет суженый
И звон колоколов.
Кому-то жизнь предолгая,
Кому-то коротка...
Во времени, за Волгою,
Течёт моя река
Меж звёздами, меж соснами,
В песчаных берегах,
Меж тихими погостами
На солнечных лугах.
Где полночью короткою
Цветёт разрыв-трава,
Где меж волной и лодкою –
Неясные слова.
Что мнится мне, отзывчивой?
Прислушаюсь – пойму.
Вот месяц неулыбчивый
Прорезался сквозь тьму.
Над тучами-кулисами
Тот месяц – словно нож.
Что на роду написано –
Того не обойдёшь...

* * *

Я шла на свет из темноты,
Я жар тягучий пригубила,
Ещё не зная – это ты,
Ещё не веря – я любила.
С огнём и плачем молодым
Любила. Всё тому виною –
Твоей улыбки шалый дым,
Твоё старшинство надо мною,
Твоя морщинка меж бровей...
И, плен почуяв, зароптала,
Ещё не зная, что твоей
Отныне женщиною стала...
Взлетела в небо птица дня,
Упала в травы птица ночи.
Не счесть мне звёздного огня
И лунных в речке многоточий,
Обид и нежности скупой,
И непредсказанных любовей...
Так не приемлет дождь слепой
Ему поставленных условий.

* * *

Вошёл в меня не близким,
Не родным.
Желанным? Да.
...А дождь упрямо плакал
всю ночь,
пока огонь не вытек в дым
и лунный луч ступил сторожку на пол,
и половица скрипнула под ним.

* * *

Всё второпях, в изломе слов,
улыбок, шуток, недомолвок,
когда ни звука про любовь,
и всё — о ней; когда неловок
не взгляд, не жест, а даже вздох,
и так естественно объятье;
когда в оконной раме лох
сорвёт серебряное платье
и ветви вскинет вверх,
и дождь
внезапный, словно стук калитки,
оставит мне, когда уйдёшь,
лишь тьму, промокшую до нитки.
А полночь в доме затаит
движеньё лёгкой лунной тени,
и в эту пустошь я, как в скит,
войду и рухну на колени.
Свеча и россыпь красных бус -
Останьтесь там, подобно чуду...
И уходя —
не обернусь.
И ничего
Не позабуду.

* * *

Не называй меня хорошей –
Заворожу дождём косым,
И на ветру дрожащей рошей
Обеспокоенных осин.
А на свидании заплачу
И от смущенья нагрублю.
Я, не надеясь на удачу,
Свою печаль в тебе люблю.
Не называй меня красивой,
В тяжёлом облаке волос
Я окажусь плакучей ивой
С корой, морщинистой от слёз,
От обжигающего ветра,
От ожидания звонка...
Качнётся высохшая ветка,
Вздохнёт усталая река.
Не называй меня любимой,
Своею женщиной из снов.
Осеребрённую рябиной
Я онемею на Покров.
Тогда, горячий и влюблённый,
Иную радость обрета,
Меня ты вспомнишь удивлённо...
Десятилетия спустя.

* * *

Только слово сказать молчаливому другу,
Только в тихую речку закинуть блесну,
Где голавль краснопёрый гуляет по кругу
И уже с октября поджидает весну.

Только в небо взглянуть, где безмолвно и строго
Сеет бледное солнце свои семена,
Жизнь покажется праздником, данным от Бога,
Что с того – коротка она или длинна?

Не годами красна моя женская участь,
А безмерной любовью до смертного дня.
Жизнь уходит, приходит, ликуя и мучась,
Серебристой блесною на солнце маня.

* * *

Когда-нибудь мы вспомним друг о друге,
Золу костров угасших вороша.
Когда-нибудь – на предпоследнем круге,
Дела земные к сроку заверша.

Когда-нибудь во влажной летней рани
Иль в сумерках у тихого огня
Переберём свиданья, ссоры, раны –
Приметы нами пройденного дня.

Как милость, ту оставшуюся малость
Мы примем, приголубив у плеча.
Когда-нибудь придёт к порогу старость,
Кленовым звонким бадиком стуча.

И ночью обезноженной, в испуге,
Поймём любви и ненависти суть.
Когда-нибудь мы вспомним друг о друге.
Когда-нибудь...

* * *

Серебряный крестик дарю
Любимому. И с полувздохом
Врастаю в закат и в зарю
Серебряным деревом – лохом.

Дай, Господи, сердцу огня,
Дай дереву долгого лета.
Сегодня ты возле меня –
До вечера, ночи, рассвета.

...До горя, измены, мечты,
Счастливого несовпадения –
Когда будешь деревом ты,
А я – твоей лёгкою тенью.

* * *

Так и было – летала, смеялась и пела,
Да о взгляд твой лучистый во мгле укололась.
И навеки запомнила – а не хотела –
Твои жёсткие руки, улыбку и голос.

Обманулась? Да поздно. Иль время настало
Обмануться, пропасть, стать доступней и проще?
Зря печалились птицы в кустах краснотала,
И звенели осины в серебряной роще.

Ни к чему больше гордость, раздумья и жалость,
Униженья, усмешки, проклятья любые.
Лишь бы руки твои в темноте не разжались,
Лишь бы в небе дрожали слова голубые!..

* * *

Не стану, не стану сегодня стыдиться
Внезапных, как дождь, всепрощающих слёз.
Растаять, как дым, как туман раствориться
В молчании млечных по пояс берёз,
В озоне, где зноем с утра опалимы
Молчат соловьи и скворчат вертела,
Где медленно плавает пух тополиный
И женщины белые носят тела,
Где жимолость прячет развалины рая
И тени теней изначально длинны,
Где жизнь моя длится, вершится, сгорая...
И вновь воскресает – как куст купины.

* * *

Возьми меня как птицу золотую,
Влетевшую в твой мир, и приголубь.
Я женщина твоя, и я тоскую
Без рук твоих и сумеречных губ.
Бунтую и сама себя караю,
Я пламя твоё трогаю рукой
Бесстрашно – и сама на нём сгораю,
Теряю всё – печали и покой.
Глаза не закрывай, а я закрою –
Так стыден, так блаженен этот миг,
Когда за шуткой, ласкою, игрою
Мелькнёт любви жестокосердный лик,
Сжигающий законы и одежды,
Пленяющий – да Бог ли ей судья?
И все твои сомненья и надежды
Качает моя белая ладья.
Я женщина твоя, и всё отныне
Твоей зарёй и тьмой освящено –
Твои эдемы, горы и пустыни,
Потерь печальных горькое вино...

НОЧЬ

В окне резном затеплится свеча,
Неясное наметится движенье –
То женщина глядит из-за плеча
В зеркальное своё отображенье.
Густеет мрак, и время на крыльцо
Вступает мановеньем листопада.
«Постой, – загороя рукой лицо,
Воскликнет она горестно, – не надо!
Измерен век узорной мишурой,
Любовью и виною, и возмездьем.
Но прежде чем упасть сухой корой,
Сгореть дотла и дымом взмыть к созвездьям,
Яви мне лик бестрепетной судьбы –
Откуда я, зачем сюда явилась?»
Слова её наивны и грубы,
Но неизменна явленная милость.
И женщина, не поднимая глаз,
Рукой свечу привычно защищая,
Уходит вглубь. А ночь ведёт рассказ,
Идя по жизни, чёрная, большая, -
Как встарь, – с переполохами зарниц,
С тяжёлым конским храпом ниоткуда,
Ударами о воздух тяжких птиц,
Грозя и грезя ожиданьем чуда.

* * *

Помню всё – и объятья,
и слёзы, и страх,
Что уйдёшь – онемеют движения
клавиш,
Что в обоих прекрасных и диких мирах
Даже жалости ты для меня не оставишь.
Что однажды на улице в шумной толпе
Ты мелькнёшь вдалеке,
как случайный прохожий,
С волосами в серебряной колкой крупе,
Медноликий, чужой,
на себя непохожий...

Долго люди смеялись за белой стеной,
Долго музыка
в окнах звенела – и стихла.
И к тому, что мы спим
под одной простынёй,
Я давно и бесстрашно,
бесстрастно привыкла.

* * *

«Ты помнишь?» – я тихо спросила.
«Все помню, – ответ прозвучал. –
Какая жестокая сила
Качала наш поздний причал –
Полберега, лодку, поляну,
Палатку в холодной росе.
Куда ни пойду и ни гляну –
Остались отметины все».
«Ты помнишь! Но где твоя радость
В исходе весёлого дня,
Вчерашняя спелая сладость
Клубники у свежего пня,
Тень солнца над донной рекою,
Терновника жалящий цвет?»
Руками глаза я закрою –
Что было – того уже нет!
«Не плачь», – небеса просвистели.
«Смирись, – тихо выдохнул лес. –
Мы многого тоже хотели,
Но нет в этой жизни чудес».
Другая придёт. И, сверкая
Крылами и гибкой спиной,
Пройду я, слезу утирая,
И ты зарыдаешь за мной!

* * *

Ты спишь, душа твоя в покое.
Я обниму тебя сама.
Трепещет бабочкой мирское
В окне. За ним ночная тьма
Бесстрашно сердце горячит
И лунный серп бесстрастно точит.
А птица поздняя кричит
И жизнь прекрасную пророчит
Нам в этом времени проклятом,
Где все толкуют об ином.
И смерти нет. Лишь Дух крылатый
Витает в воздухе живом.

* * *

Полдень клонит голову ко сну,
Мы с тобой устали целоваться.
Солнце зацепилось за сосну
И никак не может оторваться.

Я своей печали не таю,
Словно даль зелёная, морская,
Степь стоит у бора на краю,
Маревом серебряным сверкая.

Машет белым облаком, грозит
Засухой, пожаром, расставаньем.
А потом до дрожи просквозит
И разбудит только утром ранним.

Ветер бьёт, беззвучен и жесток,
Марлевым крылом о подоконник.
Он, наверно, мне швырнул цветок –
Жёлтый, опалённый зноем донник...

* * *

Виктору

Летят, жужжа, из розового улья
К ожившим вишням сонные жильцы.
Обманутся! Давай составим стулья
И сядем вместе.

Солнечной пыльцы
Висит меж веток тень и непонятно –
Октябрь на дворе, иль навсегда
Осталось лето и дыханьем мятным
Струится в дом.

Свежа и молода,
Давным-давно гроза отгрохотала,
Как в старом обеззвученном кино.
Подсушен хлеб, и в глиняном бокале
Дрожит и тихо плавится вино.
Ты снова юн, а я в любимом платье,
Не верь полнощным снам и ни о чём
Не спрашивай, нам до рассвета хватит
Пейзажа с белой вишней за окном.
Потом, потом, притихнув в лунном свете,
Вливающим в умы и души яд,
Как радостно мне будет снова встретить
Целующий глаза и плечи взгляд!
На цыпочках крадётся мимо старость,
Боящая сна и сквозняка.
Как много в этой жизни нам осталось –
Наш сад и целый мир – наверняка.

* * *

В твоём саду мне наслажденье
Медовый впитывать покой,
И ночи позднее рожденье
Не ждать с томительной тоской.

А только шёпот вдохновенья –
Нездешний солнечный огонь
Ловить, как ветра дуновенье,
Как лист кленовый на ладонь.

Ведь между нами всё взаимно,
Всё высшей степени родства:
От несказанного – до гимна,
От нежности – до торжества.

* * *

Не вспомнить, когда отдыхала душа
В шмелином саду средь медового рая,
И медного жизнь не просила гроша,
Чужие одёжки с тоской примеряя.
А было, а было – катилась звезда
Клубком золотистым во влажные вишни,
И ласточка крылья вила у гнезда
Так тихо, что времени не было слышно.
Металось и плакало пламя свечи
От чудного шёпота, вздоха и стона,
И долго ревнивое сердце ночи
Стучало и билось средь летнего лона.
Упасть и проснуться, и снова заснуть!
И думать, что жизнь невозможная снится, –
Так легче, так можно томящую суть
Принять и простить, и любви поклониться.
Освистан дроздами стареющий сад,
От солнца и ветра осунулись крыши.
Сосед поседел и, как птицы, не рад,
Что стужу сулят и повывелись вишни.
Но полнится бочка водой дождевой,
А небо – немислимым гулом столетья.
И воздух, как нитка, натянут живой
Меж временем тем и – безудержным – этим.

ДРУГОЕ СОЛНЦЕ

* * *

Не октябрь, а одно пепелище,
Вместо облака – запах золы.
Опустело к обеду жилище,
Кто-то вымыл до блеска полы.
Бесполезна мольба – нет ответа
Потрясённой душе. И готов
За пределами жизни и света
Опуститься небесный покров.
Солнце встало в углу и не светит.
И не знают, не знают во мгле
Первый снег и пронзительный ветер,
Что тебя уже нет на земле...

* * *

Дрожит лампадный свет в углу,
Душе не вымолить прощенья.
И в сердце тонкую иглу
Впускает кто-то в отомщенье.
И возвращается назад
В осенней слякоти дорога,
Обременённый ветром сад
И вопль, упавший у порога.
Кружится комната в бреду,
Кричит визгливо: «Виновата!»
Возрата нет. И на виду
В разбитой склянке смялась вата.
И ночь встаёт, едва дыша:
«Последний долг твой не оплачен!»
Мятётся в сумраке душа
И прозревает с тихим плачем.

ПЛАЧ

Шалью пуховой закроюсь до пят,
Ветры метельные в поле воят.
Гляну в окошко – ни света, ни зги,
Мечутся в воздухе вихри пурги.
Нежитью белой дома замело
Очи затмило и руки свело.

Все наши клятвы на майском крыльце
Спрятаны в памяти, словно в ларце.
Жизнь пролетела, как летняя ночь,
Кудри развились и выросла дочь.
В печке, смирясь, догорают дрова,
Дым восвояси уносит слова.

Женское счастье, что алый вьюнок.
Вспыхнет, вплетённый в венчальный веноч.
Брошенный после неловкой рукой
Вниз поплывет серебристой рекой.
В ряби речной изомнутся уста,
Белая роща до дрожи пуста...

* * *

Сказал, что не умер... На миг
Проснулась я, в это поверив.
Донёсся из сумрака вскрик
Иль пенье... И хлопнули двери.
И день осторожно погас.
Подумала – в доме нет хлеба.
Ушёл и вернётся тотчас,
Как только развездится небо.
Минуты и сутки, года
С тех пор над землёй пролетели.
И ласки твои навсегда
Забыло горячее тело.
Другой мне стучится в окно,
Струится вода дождевая...
Я сплю, непонятно чего
В разбуженной тьме ожидая.

* * *

Закрит наш дом в деревне. Без труда
Зима его бессонно сторожит.
Здесь тень живёт моя и иногда
Ночует тень мужчины. И кружит
По комнате, и кашляет, и спит,
Водою умывается речной.
И тень огня за дверкою печной
Всё вырваться на волю норовит.
Позвякивают чашки на столе,
Скрипит кровать и радио поёт.
Лишь тень моя печальная во мгле
Не ест, не пьёт и с места не встаёт.
Ведь стоит только ей открыть глаза,
Всё кончится – то поезд медлит ход,
И зыблются на полке образа,
И лунный лик, дрожа, в окне встаёт.

ПОКРОВ

Ещё снежинки тихо виснут
На чёрном кружеве куста,
Но лисий след уже оттиснут
На чистой плоскости листа.
Невинный иней в новой роли
Искусника, врача берёз,
Но вздрогнет дерево от боли –
Он – прах, он – тлен, он – невсерьёз.
А лёд хрустит под каблуками,
Как леденец у пацана
Между молочными зубами,
И тает в свете из окна.
Недолог миг грехопаденья
Из святости в живую грязь,
И заковать во льды владенья
Ещё рука не поднялась.
Остановить не скоро Волгу,
И сорок дней пройдёт, пока
Зима уляжется надолго
Отогревать себе бока
На баньки, крыши, на солому
Парных и радостных хлебов.
Всё сызнова, всё по-иному
Представил утро нам Покров.

* * *

Декабрь.
Время кружит в пространстве
Над месяцем, в небе стоящем.
И мир не живёт в постоянстве,
И прошлого нет в настоящем.
Вся жизнь
Словно эта дорога
В скольжении белого дыма,
Где всё – от безумства и Бога
До странности необъяснимо.
Любовь –
Разве кто о ней знает?
Придёт и уйдёт, словно небыль.
А время опять улетает
Навеки – в открытое небо.

* * *

Нет никого ни рядом, ни в дали.
Струится время в воздухе незримом.
Скользит лыжня в космической пыли,
Душа парит... Что будет с этим миром?
Я оглянусь – кто следом будет жить?
И сердца бег невольно успокою –
Земля, как белый лист, внизу лежит,
Не тронутый ничьей пока рукою.
Звенит над головой небесный смех,
И в каждой ветке весточка таится.
И не поймёшь – то слёзы или снег
Растаяли внезапно на ресницах...

* * *

Маше

Сломалась ветка, словно пала весточка
Оттуда, из запретной стороны.
Но в мир явилась маленькая девочка,
Сойдя босыми ножками с луны.

Раскачивали жизнь мою пророчества,
И не было ни лодки, ни весла,
И я бы эти годы одиночества
Не вынесла... Она меня спасла!

Забыто всё, спит маленькая девочка,
И клейкие листочки распутив,
Цветёт и напевает в вазе веточка
Бесхитростный нечаянный мотив.

Подрагивают розовые пальчики,
Спит девочка, и где-то на ветру
Играют её будущие мальчики
В неведомую времени игру.

* * *

За белым светом небосвода,
За тайным шорохом травы
Лежит безмолвная свобода,
Где все неверные правы.
Где бродят призраки и та же
Печаль таится на устах,
Кресты и пажити в пейзаже,
И тень от радуги в кустах.
Слёз не скрывай. Они тужили
О том же, видно, раз впотьмах
Холмы зелёные сложили
И молнии зажгли в углах.
Ни звук иной, ни след копыта
От жизни той, от скорби той.
И лишь в реке, на дне забытый,
Блится серпик золотой.

СУМЕРКИ

Речка плывёт, под ногой
Зыблется чёрное дно.
Берег дрожащий, другой
Сгинул в тумане давно.
Нету ни света, ни тьмы,
Ухает птица в дупле.
Страшные мстятся холмы –
Что за печаль на земле?
Листья колеблет роса.
Горше, тревожней закат!
Чьи там звучат голоса,
Чёрные тени парят?
Кто-то вздохнёт на ходу:
«Знаю, да знать не хочу!»
Вывесит в небе звезду,
Словно затеплит свечу.
«Время идёт иль стоит?» –
Хочется крикнуть. В ответ
Вычертит быстрый болид
В небе стремительный след.

* * *

На поле широком подол завихрится,
Не женщина я, а пролётная птица.
От облака тень на траву упадёт –
Что будет, кто скажет? – Лишь дождик пойдёт.

Раз здесь неприятно и радости нету –
Лететь и лететь бы по белому свету.
Но в поле нерусском, в чужой стороне
Совсем одиноко покажется мне.

* * *

Здесь, за рекой – другое время,
Летит и бьётся в небо семя,
Рассеяв сладкую пыльцу.
И мы ни в чём не виноваты,
Когда, зелёной тьмой объаты,
Стоим опять лицом к лицу,
О дне и ночи не гадая,
Когда трепещет грудь нагая,
И ветер вдруг сбивает с ног.
Когда немеют в жажде губы,
Когда уже объяття грубы,
И словно яд – любовный слог...
Раздался гул над тихой кручей –
То самолёт вонзился в тучи,
Качнулось небо под рукой.
Там, вдалеке, уже смеркалось.
Но в жарком мареве осталось
Другое время за рекой!

* * *

Ни вещей снов, ни робости, ни муки.
Закатный луч, что выжелтил вино,
Ты взял, смеясь, как баловника, в руки
И выдворил обратно за окно.

На миг мелькнуло небо грозное,
Но замер гром – ни шороха во тьме.
На белом свете мы остались двое
С цветущей тишиной наедине.

Пусть прахом обратятся все проклятья!
Сюда, в неверный сумрак голубой,
Вошла я, сбросив траурное платье,
Из времени меж прошлым и тобой.

Моя душа устала от печали
И от чужого зябкого огня.
Что грезится в конце ей и в начале,
В неярком свете гаснущего дня?

Вкус яблока и терпкий запах сада –
Зачем мне столько?! И печаль тая,
Заплачу вскользь: мне ничего не надо,
Ты – небо, я – звезда на нём твоя.

* * *

За счастье взимается полная плата,
В дверях её кто-то безжалостно ждёт.
И плачет ребёнок в углу виновато,
Как будто у счастья надежду крадёт.
И кто-то лукавит: он в мире потерян,
В трёх снах заблудился, в трёх соснах заснул.
У вечности, к счастью, не писан, не мерен
Ни шёпот лукавства, ни мужества гул.
Попрыгает гирька, весы остановит,
Уймётся душа, успокоится кровь.
И только ребёнком, что бабочек ловит
Во сне, на рассвете застонет любовь...

* * *

Я не держу – вот Бог, а вот порог!
Другие птицы уши просвистели?
Разрежет лунный след наискосок
Две белые во мгле постели.

Сегодня нежен, завтра утром груб –
Завидовать ли этой доле?
И складка, что легла у тонких губ, –
Гримаса лжи она, не боле.

И между беглых слов трусливый вздох:
«Мстить будешь?» – Я себя не запятнаю.
Зачем? – Ты сам себе пигмей и бог.
Пройдёшь – тебя я не узнаю...

* * *

Я представляю, как звучит
Мой голос в трубке телефонной,
Как ручеёк в траве журчит,
Своей отвагой опьянённый.
Как тропка – узенькая нить
Летит к тебе напропалую...
Но я не в силах изменить
Ни жизнь твою, ни ложь благию.
Всё решено. И всё ж, пока
Смеюсь и плачу ненароком,
Звучит разъёмная тоска
В твоём молчании далёком.
Лежит дарёное кольцо
На белой скатерти, и впору
Умыть горящее лицо,
Закрыть окно, задёрнуть штору.
Поверить – день прошедший наш
На деле был не что иное,
Как умирающий мираж
Над восходящею луною...

ВЕЕР

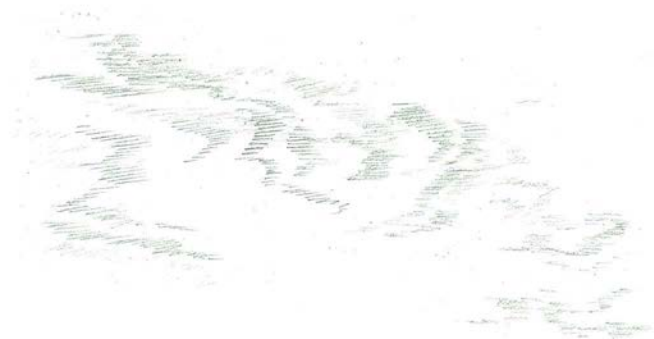
Бумажный веер, ветхое создание
Незримых вздохов, взглядов, тайных пут,
Застигнутое сумраком рыданье,
Любовных игр забытый атрибут.

Дешёвый, незатейливый подарок
От встречи мимолётной на ветру.
Надорван и застенчиво неярок –
Что ж я его с волнением беру?

Раскрою – время вьётся у лица,
И нет во тьме начала и конца,
Следа от обручального кольца...

ШЁПОТ КРОВИ

* * *

Придумала тебя я так давно,
Что и сама об этом позабыла.
Дождями занавесила окно.
Душа в потемках.

Разве я любила?

Когда во тьме, среди цветов и трав
Искала что? Оно меня таилось,
И месяц новоявленный был прав,
Скатившись в ночь.

И всё остановилось:

Река и речи, время... Наугад
Жила я в пустоте, о том не зная,
И если ты, найдя меня, не рад –
Тогда тебе я вовсе не родная.
Дождем весенним вымыто окно.
Так света много, ночи этой мало!
Придумала тебя я так давно,
Прости, что в первый миг и не узнала.

ДИАЛОГ

... Не к добру тебя смутила,
не к добру ты мне явился,
Ниоткуда вышло солнце
и скатилось в никуда.
И когда с усмешкой лёгкой
рядом ты остановился,
Мне б уйти в луга глухие,
затаиться от стыда!

... Разве ты смогла б исчезнуть,
разве я бы смог иначе
В обездвиженном пространстве
жить, себя бы не вина?
Мне одно сегодня нужно –
чтобы в радости иль плаче
Никогда бы не сумела
ты отречься от меня!

... В небе сумрачном опасно,
и звезда летит на ощупь.
Бор полночный тих и страшен,
зги не видно, я одна!
Помню, как во тьме такой же
у погибшей в топи рощи
К нам обратной стороною
повернулась вдруг луна.

... Это просто совпадение
дня и ночи, тьмы и тени,
Майской медленной метели
среди сосен напролёт.
Знаю, ласточкой замёрзшей,
залетевшей утром в сени,
Мне душа твоя явилась
и во мне теперь живёт.

... Не держи её без воли,
не нужна – отдай обратно,
Мне в печали мёд не сладок,
речка донная без дна!
... Ты прости меня, родная,
я скажу тысячекратно,
У меня была и будешь
ты, печальная, одна...

ПРИЗНАНЬЕ

Я слов своих стыжусь, но говорю.
Бесстыдница! – воскликнет кто-то.
Пусть. Я может, жизнь кому дарю
Волшебной трубкой «Оренсота».

Горит на светофоре красный цвет,
Гудят вослед автомобили.
– Люблю, люблю! – кричишь ты мне в ответ.
Тебя так раньше не любили...

В лицо смеётся встречный человек.
Бегу... Вся жизнь в преодолениях!
И ты бежишь, сминая снег.
Бежим, но в разных направлениях...

* * *

Из реального времени
падаем в вечность иную,
В телефонных ветрах
чей-то шёпот бессонный браня,
Мы несёмся друг к другу,
отважно минуя
Все условности, страхи,
сомнения нового дня.
Мы, как узники в клетках,
закрытых от внешнего мира,
От любви, от бескрайности
майской степи,
Где ещё бесконечно бело,
и туманно, и сыро,
И весна из-под снега
вздыхает невнятно: «Терпи...»
Вслед ей голос твой тихий
во тьму оседает и тает,
Словно кто-то шутя
прерывает до времени связь.
Голубеет земля, и поёт,
и о чём-то мечтает,
Голубыми ручьями
на слёзы мои отзовясь.

* * *

Моя память болит и болеть
перестанет не скоро.
Позади только ветер, дорога
да праздная пыль
Безымянной степи.
Ни надежды теперь, ни опоры
За спиной.
Я сама как ковыль
Распласталась на ровном,
не в силах доселе подняться.
Это ты, мой любимый,
мне волосы белые смял,
Долго гладил, ласкал,
так, что стало обоим казаться –
Ты свою Галатею ваял...
Но покорная глина
в руках твоих грубых ломалась,
Ты в досаде свою статуэтку
живую разбил.
Ах, как женщина чья-то
чужая в восторге смеялась,
Выметая за дверь
всё, что ты молчаливо любил.
И теперь только небо
стоит надо мной безобманно,
С золотою серьгой,
с удивлёнными взорами звёзд,
А о прошлом напомнят
лишь чёрные дыры в тумане
От покинутых птицами гнёзд...

* * *

Речами играть надоело,
Огнём – обожглась на лету.
Какое мне, собственно, дело
До дерева в белом цвету?

До облака, в небе молчащем,
До пламени в чьей-то крови?
В глухую забытую чашу
Зайти бы – зови не зови.

Стать ветреной, юной, беспечной,
Летать или жить среди травы,
И недруги в злобе извечной
Пусть будут на время правы.

Пусть сон успокоят метели,
Пусть засветло, словно родня,
Не самые лютые звери
Поселятся возле меня.

А после, под лёгкой порошей,
Внимая далёкой мольбе,
Позволь мне, позволь мне, хороший,
Не думать совсем о тебе.

* * *

Я именинница апреля.
И ночами,
Тайком от всех,
Привыкла слышать за плечами
Неясный смех,
Смятенный шёпот,
    восклицанья,
    ропот вешний...

И сквозь ладонь
Смотреть на солнечный,
    нездешний
Скупой огонь.
Он, вдохновенный, от всего,
    что сердце точит,
От злобы дня,
От всех возможных одиночеств
Спасёт меня...

* * *

Век кончился, а я и не заметила,
Отгоревала, да не по нему.
Осталась в жизни чёрная
    отметина,
Как знак беды, влекущая во тьму.
И сердце стало чутким к непогоде,
И к подлости незримой заодно.
А где-то на Току, на тихом броде,
Блестит водой обласканное дно.
Зелёный мир, разбуженный
    соблазнами,
Улыбчивый, там тянется к реке.
Вот так бы мне пожить,
    со всем согласною,
От берега того невдалеке!
А я гнету всё душу чьей-то дружбою,
И улыбаюсь тайному врагу,
Люблю, кого любить-то
    и не нужно бы,
И ничего поделать не могу...

* * *

Сияет ночь. Так почему ж я плачу?
Ум словно заколдован, даль пуста.
Возьму и завтра жизнь переиначу,
Начну сначала, с белого листа.

Пускай былинка я на чёрном поле,
И ветер вольный гнёт меня к земле,
Во времени, в его пустом расколе
Я вижу звёзды в сумеречной мгле.

И солнечного пламени отсветы
На листьях и на зеркале реки,
И тайные, но верные приметы
Весны, идущей горю вопреки.

Сияет ночь над безмятежным лугом,
Душа обнажена, глаза сухи,
Пишу в тетрадь, подаренную другом,
Любви моей печальные стихи...

* * *

Любимый мой, бреду я наугад
С душой смятенной: где мой дом отныне?
Зачем крыжовник – русский виноград –
Венок колючий мне плетёт в унынье
И тень огня соседствует с листвою?
Любимый мой, прости мне нетерпенье.
Ещё в душе лелею образ твой,
Ещё я слышу ангельское пенье.
Но время умирает за спиной,
Как звёзды в перевёрнутом бинокле.
А впереди небес пустынный зной,
И сон без сна, и чей-то слабый оклик.
Завоет ветер, ветки теребя,
В моём саду, и я без слёз заплачу –
Как лодка на безводье, без тебя
Я в мире этом ничего не значу...

* * *

Вот и снова весна,
    весела и капризна,
Мне стучится в окно,
    вызывая на спор,
Что не так уж всё плохо
    в безумной отчизне,
Что любовь безобманна
    и жива до сих пор.

Выхожу на крыльцо:
    отчего так тревожно?
Чем томится душа?
    И сама не пойму.
В небе тёмные птицы
    летят осторожно
И кричат о своём
    в неоглядную тьму.

Пахнет ветром и вербой,
    водой потаённой,
Кто-то дышит в ночи,
    и когда я уйду,
Из-за облака выглянет
    месяц влюблённый
И у всех на глазах
    поцелует звезду.

* * *

Молчуньей стала. Не хочу
Ни говорить, ни петь.
Глаза закрою.
Зима похожа на свечу,
Оплаканную мною.

Я вместе с ней ушла в себя,
Забыла всё, любовь свою
Забыла!
И ветер, ветви теребя,
Молчит о том, что было.

На речке лёд идёт ко дну,
Отжившее на белом свете
Тает.
Что любишь ты меня одну,
Никто и не узнает.

ЧАСЫ

Он упал на промёрзшую землю
без стоны.

Бой ушёл на восток, где уж тут хоронить...
Мне из дедова дома досталась икона
И часы, что давно разучились ходить.

Жизнь летела стремглав, то в страстях,
то в печали,
Божье око во тьме не давало пропасть.
А часы в запылённом футляре молчали,
Не желая надменного времени знать.

Воробьиная ночь спать вчера не давала,
А прошла – ах, какая же синь
разлилась
Над привычною мглой городского
квартала –
Словно новая жизнь в этот миг
родилась!

Распрямилась пружина изжитого горя,
И капель застучала в далёких лесах –
Это маятник, громко со временем споря,
Сам собой закачался в оживших часах...

* * *

Когда закрываю глаза, появляешься ты.
Дождю бесполезно ходить
по оттаявшей крыше,
Пугать спящих кошек и трогать кусты
Сирени под белым окном. Ничего не
услышу.

Когда закрываю глаза, вижу только тебя,
Качаясь на белых качелях под
любящим взглядом.
И солнце, лазурное небо лучами
слепя,
Качается, тёплое, в воздухе августа
рядом.

Когда закрываю глаза, и боюсь их
открыть,
Во тьме затеряться, забыть о тебе,
нелюдимом,
Умеющим только цветы луговые
любить,
Летящие вслед ковылям молодым,
голубиным...
Когда закрываю глаза...

* * *

Отцу

I

Возможно, мы с тобой встречались
В тоскливой суете распутиц,
Где в зыбком воздухе качались
Переплетенья хмурых улиц.

Да плыло облако седое
На парапете мокрой крыши,
И мы в толпе шли рядом, двое,
Но шёпот крови не был слышен.

Дождём и ветром переполнен,
День плакал – мгла его пронзала.
Как жаль, меня ты не припомнил,
Я незнакомца не узнала.

II

Наверное, мы разминулись
В каком-то внезапном апреле,
Среди безасфальтовых улиц,
Где громко трындели капли.

Я помню – душа встрепенулась –
Ты тенью проплыл мимо окон.
К несчастью, луна обернулась
Слепым, ненавидящим оком.

Лишь только томленье и шелест
Вишнёвого старого сада
Принёс молчаливый пришелец...
Но я и тому была рада.

* * *

Вот она, горечь разлуки
С красной опавшей листвой!
Тянет ко мне ветви-руки
Клён, что посажен тобой.

Весь в ожиданье ухода,
В оледенелом плену.
В озере синь небосвода
Медленно тонет ко дну.

Свиток свой в сумрачных звёздах
Жизнь размотала уже.
Господи, где же взять роздых
Грешной безмолвной душе?

Ветер во тьме, как награда,
Вдаль улетает, забрав
Всё сумасшествие сада,
Всё одиночество трав...

* * *

Останься для меня живым —
Плывущим облаком, рекой,
Знакомым клёном молодым
И песней с тихой тоской.

Останься для меня живым,
Пока жива, пока одна
Над звёздным берегом крутым
Восходит в сумраке луна.

Останься для меня живым,
Пока во тьме белым-бело,
Пока вытягивает дым
Из дома сонное тепло.

И маятник в звенящий час,
В потёмках над лицом твоим
Ударит вдруг в последний раз —
Останься для меня живым...

* * *

Воздух осени выстудил звёзды –
Занимает зима рубежи.
Одиночество. Горести роздых.
Говорят – гигиена души.

Я упала в него, словно в пропасть.
Время встало: ни взад, ни вперёд.
Что корить теперь давнюю робость,
Городить в тишине огород?

В белых всполохах снежного дыма
Дремлет дом наш, безмолвен и тих.
Где ты странствуешь нынче, любимый,
Вспоминаешь его хоть на миг?

Ни в сетях мировой паутины,
Ни во снах не найти мне ответ.
Только верить – вот тронутся льдины,
Брызнет сверху божественный свет.

Верба вздрогнет в сиянии сада,
Влажный ветер коснётся лица...
Это жизнь. И её ещё надо
Нам обоим прожить до конца.

* * *

Плывёт в тумане роща Зауральная,
За шумом времени не слышен шёпот
лип.

Но помнит до сих пор поляна дальняя
Сияющую синь, реки изгиб.

Прогулку нашу первую, недолгую,
Обманчивость молчанья, правды,
лжи...

«Зачем ты, роща, птичью стаю
вольную
На ветках рассадила там,
скажи?»

В том в пересвисте, щебете,
беспечности
Нелепостью казались все слова.
Там к облаку, приплывшему из вечности,
Тянулась вдруг проросшая трава!

Всё дальше сторона та зауральная...
Кого спросить мне, горечь
затая:

«Зачем, зачем была ты, роща дальняя,
И облако, и птицы, ты и я?»

* * *

Как тянет туда, где лишь ветер забвенья
В песках первозданных, и зримо мгновенье.
Где вечные сосны над светлой рекою
Стоят, истекая медовой смолою.
Как долго они воскресали из пепла,
Как медленно песня росла в них и крепла.
И вот расплескались над светлой рекою,
И сердце живое забилося с тоскою
О том, что исчезло, да вряд ли и было,
Что душу томило, что жадно любило,
И стало песком и водой перекатной,
Незыблемым лесом, зарёю закатной...

В БОРУ

Шагнёшь в него – лишь зной
и тишина.
Шалфеем дышит день, грозой
далёкой.
И кажется, вот-вот грядёт
она,
Сверкнёт с небес молниеносным
оком,
Над речкой громыхнёт и стихнет
враз,
Уплыв за лес тяжёлой
тучей-тенью...
Цветы стоят, не закрывая
глаз,
Прислушиваясь к каждому
мгновенью,
Свистят стрижи и падают
в закат,
Что в сумраке горит
уже нездешнем.
О, с кем они там тихо
говорят
На птичьем
языке своём безгрешном?
И радостно друг друга
узнавать

По шёпоту травы, по гулу
    грома,
И если здесь останусь
    зимовать,
В сосновой зыбке буду я
    как дома...

* * *

Шийлиагаш – Вишнёвый лес,
Зачем ты мне опять приснился?
Висит орёл среди небес
Крестом, а только что носился
Над далью грозовой как тень,
Пикируя на всё живое.
Но прячет августовский день
Своих птенцов. А мы, мы двое
Рвём вишни наперегонки,
Сок брызжет, губы пунцовеют,
И смотрит степь из-под руки
Как жаворонок в небе реет.
Березы не стоят, ползут –
Ветра согнули, здесь они нередки.
Ах, бедные! Но ведь живут.
Растут, перевивая ветки.
Крылатой радугой влеком,
Лес тянется туда же – в небо,
И тянет из полей дымком
И запахом ржаного хлеба.

ЛИСТВЕННИЦА

Сотни лет пролетели над нею.
Ни жара, ни снега, ни ветра
Не сломали. Лишь стала сильнее.
Голубее кора.

Степь железные кони вспахали,
И забылся ковылистый свет,
И звезда из космической дали
Ей глядела вослед.

Но росла вопреки злу и зною,
На все стороны света одна,
И была васильковой весною
Вся страна ей видна.

Гром и молнии небо метало,
Обсыпало колючим дождём.
Эй, Наталья! – она прошептала, –
Мы ещё поживём...
Поживём!

Адамовская степь

*Обильный край,
благословенный!
Хранилище земных
богатств!
Не вечно будешь ты,
забвенный,
Служить для пастырей
и паств!
«Послание в деревню»,*

С.Т. Аксаков, 1830 г.

Да, всё сбылось, поэт печальный
Был прав. И где она, любовь
К родному? С песнею прощальной
Летит ковылистая новь.

Глядит в отравленные воды
И негодует лик небес.
Так называемой свободы
Плоды выросли. И продан лес.

Степные сырты и увалы
Пусты. Такие времена!
Зверей испуганных изгнали
Чужие словно племена.

Крадётся всё без проволочек,
Точат иконы реки слёз.
И где тот аленький цветочек
Из дивных сказок, детских грёз?

Не дай, Господь, возненавидеть
Толпы безудержную власть,
Отчизны чёрный год увидеть,
В провалы времени упасть!

Всю жизнь среди томов и строчек,
Во тьме полуночных полей
Искать мне аленький цветочек,
Скорбеть над родиной своей...

ПУШКИН

Печален Пушкин в бронзе. Тяжело
Стать памятником и не улыбнуться
Ни разу! И к девичьему лицу
С весёлым ожиданьем не нагнуться,
Когда совсем недавно сердце жгло
Любовью величайшей...

Тосковать,

Томиться и, пока не рассветает,
Любить мадонны чистый образец,
Что в пламени свечи, смеясь, витает
И сердце продолжает волновать...
Марать бумагу, злиться, гнать коня,
Надеждой, словно воздухом, напиться,
Поверить в счастье близкое навек
И у берёз в Лучиннике забыться,
Рассеянно поводья уроня...
Скамья из бронзы ждёт его во мгле,
И лиственницы тоненький росточек
В степи пробился вопреки всему,
Чтоб встать потом с ним рядом между строчек,
И предвещать иное на земле...

*В Болдино возле дома поэта растёт – лиственница,
привезённая им из путешествия в оренбургские степи.*

В БОЛДИНО

Печаль минувших дней ещё витает
Над старою ветлой, над зеркалом

ВОДЫ,

Приходит ночью дождь и приминает
В траве сырой дорожку до звезды.

Она встаёт во тьме, не узнавая,
Не помня никого... Но час

настал –

Поэт на время вырвется из рая –
Он от забвенья долгого устал.

Понять ли, чья душа над свечкой
вьётся?

Перо, бумагу схватит и опять
Над вымыслом слезами обольётся
И жить захочет, мыслить и
страдать...

Любовью восторгаться без печали,
И Русь прославить, и врагов
простить...

– Ты всё успел, – слова вдруг
прозвучали, –

Душе твоей не надобно грустить.

Сквозняк веков над Болдиным струится,
И шелест лип стекает тихо в пруд.
Поэта нет, но дух его всем мнится,
Он, видно, навсегда остался тут...

* * *

Саше

С ветки слетел богомол и притих:
Богу ли молится, солнышка просит?
Ворох монеток своих золотых
Бросила в ноги нам сонная осень.

Роща прозрачна, и русский простор
Робкую душу сегодня тревожит.
Стая ворон обогнёт косогор,
В небо врастёт и вернуться не сможет.

Только для тех, кого жизнь не страшит,
Поле пустое, в потёмках жилище.
Морок, огонь ли вдруг всё сокрушит –
Им возвращаться на то пепелище.

Утром скрести по сусекам, латать
Конную упряжь и солнцу вдогонку
В пашню зерно золотое кидать,
Песню придумать под стать жаворонку.

Знай же – загадочность русской души
Лишь иноземцу лихому морока.
Пришлому тайну раскрыть не спеши –
Как на просторе она одинока...

ДЕВЯНОСТЫЙ ПСАЛОМ

Живый в помощи будет идти
до конца,
До креста, осенённый незримым
крылом.
В дни скорбей и страстей
от сетей, от ловца
Нас спасает во тьме
девяностый псалом.

Дни короче, чем сны, ночи плачут
навзрыд,
Лёгкой дымкой мерцает
грядущего свет.
Всё останется здесь – ни суда,
ни обид,
Ни сует – в тёмной бездне
забывчивых лет.

Лишь любовь, как свеча, в уходящем былом...
И взыскаю, и плача о ней,
и молясь,
Ждём её... А во тьме
девяностый псалом
Ищет жизни и смерти
мгновенную связь...

СОДЕРЖАНИЕ

«Терновник» (Высокое одиночество в поэзии Натальи Кожевниковой) Вячеслав Лютый 3

Вербное

«Стареет избывшая яблоня...»	27
«Мама моя, ты теперь земля».....	28
«Слезами обольюсь в ночной тиши...»	29
Родительская суббота	30
«Я вхожу, отодвинув плечом суету...»	31
К гербу	32
«Как нетленна любовь, так и вечен народ...»	33
«В неоглядной земле я стою на краю...»	34
Память	35
«Лишь лёгкая лодка на вольной воде...»	36
«Живая внешняя вода...»	37
Вербное	38
Последний разлив	39
«Цветут небесные поля...»	40
«Как тайных росписей свеченье...»	41
«Уйти в поля, где солнце тихо тает...»	42
«Во льду бетонное крылечко...»	43
«Мой духовный отец белокож и кудряв...»	44
«Перелесок, дорога, тишь...»	45
Удильщик	46
«Печально сегодня мне в доме моём...»	47
«Когда мне очень одиноко...»	48

Домовитая ласточка

«Утром из дома выйдешь...»	51
«Есть образ дома – стол, икона...»	52

«Под медленный шелест летящего снега...»	53
«Ах, доченька! Лики морозные в окнах стоят...»	54
Пёс	56
«Он в жизни столько раз сказал люблю...»	57
«Примирилось вскоре сердце...»	58
«Я забываю постепенно...»	59
Сирень	60
«Свет февраля фиолетово-льдирист...»	61
«Распахнулась небес корзинка...»	62
«Та забава не унылому...»	63
«Из мартовского льда, дворовой скверны...»	64
«Оттепель, двадцать второе...»	65
«Многого не хочу...»	66
«Луной полночной твердь освещена...»	67
«В музее комната часов...»	68
«Что водой весенней смыло...»	69
«Домовитая ласточка в сени влетает...»	70
«Так и рвётся из рук и из пут...»	71
«Пора весенних медуниц...»	72

В твоём саду

«Ночи короткие тянутся к свету...»	75
«Черёмуха, гамак и книга света...»	76
«Пока ещё печальный счёт потерь...»	77
«Отпоёт снеговая вода...»	78
«В медовом месяце июле...»	79
«Деревянная лестница в сад...»	80
«Нет луны, но тихо светят...»	81
«Венок лиловый кружится...»	82
«Я шла на свет из темноты...»	83
«Вошёл в меня не близким, но родным	84
«Всё второпях, в изломе слов...»	85
«Не называй меня хорошей...»	86
«Только слово сказать молчаливому другу...»	87

«Когда-нибудь мы вспомним друг о друге...»	88
«Серебряный крестик дарю...»	89
«Так и было – летала, смеялась и пела...»	90
«Не стану, не стану сегодня стыдиться...»	91
«Возьми меня как птицу золотую...»	92
Ночь	93
«Помню всё – и объятья, и слёзы, и страх...»	94
«Ты помнишь?» – я тихо спросила...»	95
«Ты спишь, душа твоя в покое...»	96
«Полдень клонит голову ко сну...»	97
«Летят, жужжа, из розового улья...»	98
«В твоём саду мне наслаждение...»	99
«Не вспомнить, когда отдыхала душа...»	100

Другое солнце

«Не октябрь, а одно пепелище...»	103
«Дрожит лампадный свет в углу...»	104
Плач	105
«Сказал, что не умер...»	106
«Закрыт наш дом в деревне...»	107
Покров	108
«Декабрь. Время кружит в пространстве...»	109
«Нет никого ни рядом, ни в дали...»	110
«Сломалась ветка, словно пала восточка...»	111
«За белым светом небосвода...»	112
Сумерки	113
«На поле широком подол завихрится...»	114
«Здесь, за рекой – другое время...»	115
«Ни вещей снов, ни робости, ни муки...»	116
«За счастье взимается полная плата...»	117
«Я не держу – вот Бог, а вот порог!»	118
«Я представляю, как звучит...»	119
Веер	120

Шёпот крови

«Придумала тебя я так давно...»	123
Диалог	124
Признание	126
«Из реального времени падаем в вечность иную...»	127
«Моя память болит...»	128
«Речами играть надоело...»	129
«Я именинница апреля...»	130
«Век кончился, а я и не заметила...»	131
«Сияет ночь. Так почему ж я плачу?...»	132
«Любимый мой, бреду я наугад...»	133
«Вот и снова весна, весела и капризна...»	134
«Молчуньей стала. Не хочу...»	135
Часы	136
«Когда закрываю глаза, появляешься ты...»	137
«Возможно, мы с тобой встречались...»	138
«Вот она, горечь разлуки...»	140
«Останься для меня живым...»	141
«Воздух осени выстудил звёзды...»	142
«Плывёт в тумане роща Зауральная...»	143
«Как тянет туда, где лишь ветер забвенья...»	144
В бору	145
«Шийлиагаш – Вишнёвый лес»	147
Лиственница	148
«Да, всё сбылось, поэт печальный...»	149
Пушкин	151
В Болдино	152
«С ветки слетел богомол и притих...»	153
Девяностый псалом	154

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА родилась в Бузулуке Оренбургской области, окончила Оренбургский государственный педагогический институт, работала главным хранителем фондов Бузулукского краеведческого музея, собственным корреспондентом, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». С 2008 года – главный редактор литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Гостиный Двор» (Оренбург).

Член Союза писателей России. Автор трёх поэтических книг, публикаций в журналах «Москва», «Подъём», «Простор», «Дон», «Аргамак – Татарстан», «Новая Немига литературная», «Невский альманах», «Родная Ладога» и др., газетах «День литературы», «Литературная Россия», сборниках и антологиях современной поэзии. Лауреат областной Аксаковской премии (1992), премии журнала «Москва» (1993), Всероссийской литературной пушкинской премии «Капитанская дочка» (1997), Всероссийских литературных премий «Соколики русской земли» (2011), имени Д.Н. Мамин-Сибиряка (2012).

Наталья Кожевникова

Посреди реки и света

Редактор П. Алешкин
Корректор Н. Ионина
Макет Г. Мишин

*В оформлении книги использован портрет
Н. Кожевниковой работы художника
Виктора Кожевникова.
Фото в книге – Владимира Соколова
Художник В.В. Кожевникова*

Издание подготовлено к печати
на персональных компьютерах
в издательстве «Голос-Пресс».
Набор, верстка и выпуск осуществлен
издательством «Голос-Пресс».

Сдано в набор 07.05.14 Подписано в печать 26.05.2014
Формат 84x108/32. Гарнитура «Таймс».
Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №1182

Издательство «Голос-Пресс»
127051, Москва, Цветной бульвар, д. 32
Тел./факс: (495) 625-44-61